

Алексей Дударев

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

киноповесть

Минск – 2008

После салюта наступила тишина...

Брестская крепость опустела.

При полном безветрии теплой летней ночи пламя Вечного огня напоминало оранжевый пылающий меч.

Самая короткая ночь заканчивалась, не успев начаться. На востоке от Бреста горизонт отсвечивал пламенем Вечного огня.

По мемориальному комплексу бродил одинокий седой старик. Без наград, без орденских планок с каким-то предметом, завернутом в кусок холстины.

Вокруг не было ни души.

Старик шел вдоль одной из стен укреплений. Остановился, внимательно и долго смотрел на бордовый израненный кирпич, подошел ближе и... погладил стену рукой.

Опустился на землю под стеной, прислонился к ней спиной и закрыл глаза...

21 июня 1941 года 21 час 15 мин.

В Бресте в городском парке играл духовой оркестр.

Среди пожарников-музыкантов выделялся подросток небольшого роста лет 14-ти, черноволосый, виртуозно игравший на трубе, он был в новенькой гимнастерке, сшитой ему, по всей видимости, под заказ. И очень здорово играл вместе с оркестром.

Кружились под популярную «Риориту» пары.

В Бресте начинали зажигаться огни.

Через парк с чемоданчиком в руке шел военный.

Остановился. Долго смотрел на играющего подростка, дождался конца мелодии и скомандовал:

– Воспитанник Крыга!

Подросток даже побледнел и как метеор подлетел к военному вместе со своей трубой.

– Дядя Володя? Ты же уехал...

– Я в форме, товарищ воспитанник, а, значит, сейчас я для вас не дядя.

– Виноват, товарищ полковник!

– Что вы здесь делаете?

– Играю.

– Кто разрешил? Волошенюк?

Подросток смущенно насупился и отрицательно покачал головой.

– Значит, вышли из крепости без разрешения? Самовольно. Я правильно понял?

– Андрей Савельевич попросил. У них трубач заболел аппендицитом. Он и попросил.

– Мать знает?

Подросток вздохнул.

– Воспитанник Крыга! Немедленно явиться в музвзвод. Передайте старшине Волошенюку, чтобы он примерно наказал вас. И еще передайте: если наказание, которое он на вас наложит, мне покажется чересчур мягким, я накажу его самого. Танцы доиграют без вас. Я понятно говорю?

– Так точно, товарищ полковник!

– Крру-гом!

Подросток четко выполнил команду.

– В крепость бегом – марш!

Мальчик побежал.

Вдоль бывшей польской границы летел немецкий самолет.

В салоне перед иллюминатором сидел широкоплечий штурмбанфюрер СС.

Слева внизу в Бресте и в крепости начинали зажигаться огни.

Воды Мухавца и Буга отсвечивали закатный солнечный свет с Запада.

Субботний вечер заканчивался. В клубе гарнизона, бывшей православной церкви.

В этот вечер была лекция. Рукописная афиша красным по белому гласила:

«21 июня 1941 ода в гарнизонном клубе состоится лекция «О международном положении СССР».

Начало в 19-00.

После лекции – танцы.

Когда удрученный Петька вошел в здание клуба, лекция уже заканчивалась, сиденья были раздвинуты по стенкам, молодежь по кругу танцевала «Краковяк».

Старшина музвзвода Иван Игнатович Волошенюк самозабвенно играл на гармошке. С вариациями, с переходами.

Стены клуба были украшены плакатами и портретами вождей.

Принаряженные медсестры из госпиталя, вольнонаемные, солдаты и офицеры танцевали незамысловатый танец.

Особенно выделялась из всех медсестра Эра Холецкая, танцевавшая с младшим лейтенантом.

Петька посмотрел на танцующих, грустно вздохнул и стал пробираться к старшине Волошенюку.

В крепости в летнем кинотеатре возле клуба, в который раз показывали «Веселых ребят».

Все скамейки были заняты.

Бойцы, командиры и их семьи в который раз восторженно смотрели популярный фильм.

На сеансе мы увидим и кадры из «Веселых ребят», и лица всех тех, кто потом будет защищать Брестскую крепость.

В середине первого ряда сидел вместе с женой командир 44-го стрелкового полка майор Гаврилов.

Согнувшись, чтобы не закрывать экран к нему подошел младший лейтенант с красной повязкой дежурного и что-то прошептал ему.

– Я скоро вернусь, – тихо сказал жене Гаврилов и, тоже пригнувшись, пошел вслед за младшим лейтенантом.

Жена полкового комиссара Фомина Августина Муравская стояла на Брестском вокзале перед входом в вагон.

Рядом виновато опустив голову, стоял сам Фомин.

– Так что, я одна поеду? Как студентка? Стоило выходить замуж. Я в Двинске все бросила, сдала Юрика чужим людям, поступила с любимым сыном как злая мачеха. Исключительно затем, чтобы побыть наедине с любимым мужем. И что я имею?

– Августина, ты же знаешь, у комполка жена рождает в Гомеле.

– Фима, я это знаю. Но я знаю, что если бы рожала я и даже не в Гомеле, а во Владивостоке – ты бы все равно был здесь. Ты – полковой комиссар, а тобой пользуются даже ленивые. Слушай, давай я тоже останусь.

– Перестань! Через неделю он вернется и я сразу же за тобой в санаторий.

– Фомин, через неделю я заведу себе любовника.

– Я нэ протыв. Лишь бы пиль коньяк и шашлик кушаль,– подражая джигиту-горцу, сказал Фомин и поцеловал жену.

– Нет, я таки правильно сделала, что осталась Муравской. До Фоминой мне никогда не дорасти.

– Прекрати, милая...

– Пассажиры, зайдите в вагон. Поезд отправляется. – объявила проводница.

Фомин поцеловал жену еще раз и помог ей подняться в вагон по ступенькам.

Поезд тронулся.

После танцев в комнате муззвода старшина Волошенюк, наигрывая грустную мелодию на трехрядке, грустно смотрел на племянника начштаба и воспитанника муззвода Петра Крыгу.

– Дык што ж рабіць будзем, хлопчык?

– Не знаю.

– А што дзядзька сказаў?

– Если наложенное вами наказание ему покажется недостаточно строгим – наказаны будете вы.

Старшина вздохнул.

– Ну а што, ты не мог сказаць, што я табе дазволіў?

– Иван Игнатьевич, вы же всегда нам говорили, что в музыке, как и в жизни нельзя фальшивить.

– Ну, гаварыў, – досадливо махнул рукой Волошенюк, задумчиво прошелся рукой по кнопочкам гармошки и сказал философски: – Нельга, вядома, аднак іншым разам і можна... Дык што ж рабіць?

– Не знаю.

Старшина стал рассуждать:

– На гаўптвахту табе нельга, у каравул – нельга, прысягу не прымаў... Рамня даць ці што?

– Не знаю.

– Во! – обрадовался Волошенюк. – Прыдумаў! – старшина достал из ящика партитуру. – Да раніцы развучыш партыю трубы к уверцюры да оперы “Кармэн”!

Петька обалдел:

– Да вы что, Иван Игнатович! Это ж... Давайте лучше я на кухню!!!

– Усё! Прыгавор аканчацельны і абжалаванню не падляжыць. Упярод за Родзіну, баец Крыга! Заўтра праверу і далажу таварышу палкоўніку. Што мне, праз цябе наганяй палучаць?

Начштаба вошел в один из подъездов домов комсостава на северном острове и открыл дверь своим ключом.

Из кухни, протирая тарелку, вышла его жена Александра. Растерянно и радостно остолбенела.

– Картина Репина «Не ждали». – ухмыльнулся начштаба.

– Опоздал? – с горьким сочувствием спросила Александра.

– Нет, не опоздал. – очень серьезно ответил полковник. – Из вагона достали. – и опять перешел на шуточный тон: – Ну, как я? Здорово загорел?

– Что-то случилось, Коля? – тревожно спросила Александра.

– Ничего не случилось. Верка спит?

– Спит.

– Сходишь к своей сестре и скажешь, что ее бравый трубач, скорее всего, сегодня ночевать дома не будет.

– Почему?

– Наказан.

– Что случилось?

– Я его в Бресте в городском парке застукал. На танцульках играл.

Представляешь?

– Ну и что тут такого?

– Он носит форму! Сын погибшего пограничника! Если бы Паша был жив, он бы отодрал его за эти танцульки как сидорову козу.

– Коля, что случилось?!

– Ничего не случилось! Организуй чайку. Сейчас Гаврилов придет.

Немецкий самолет приземлился на поле возле штаба 45-ой дивизии.

По трапу спустился штурмбанфюрер СС с черным портфелем в руке.

Его усадили в черный «мерседес» и повезли на командный пункт.

Через несколько минут эсэсовец-курьер уже стоял перед командиром 45-ой дивизии генерал-майором Шлиппером.

Поприветствовав генерала, штурмбанфюрер достал из своего черного портфеля тщательно запечатанный сургучными печатями пакет и вручил его Шлипперу.

Получив взамен специальный контрольный жетон, эсэсовец еще раз выбросил в воздух правую руку и вышел.

Через минуту он уже сидел в самолете, который выруливал на взлетную полосу.

Генерал Шлиппер взломал печати, достал из пакета сложенный вдвое бежевый лист бумаги, пробежал глазами короткое сообщение, поднял голову и сам себе торжественно сказал:

– Свершилось!

Большая семья Кижеватовых ужинала.

За столом сидели сам глава семейства, мать, жена, старшая дочь и сын Ваня.

Младшая полуторагодовалая Галинка сидела у бабушки на коленях.

– Ну еще ложечку, – упрашивала Анастасия Ивановна внучку.

– Ни-ацу, – отворачивала мордашку Галинка.

– Ну, за па-апу...

– Ни-ацу...

– Ну, за бабушку... Галинка.

– Мама! – вмешалась невестка. – Не надо. Современное педагогика не рекомендует насильно кормить детей.

– Много ваша педагогика понимает...

– Захочет – поест.

– Ну, еще ложечку... Вот молодец... Вот умничка.

Четырнадцатилетняя Анюта первая вскочила из-за стола.

– Я пошла!

– Куда это? – спросил Кижеватов.

– Как куда? – съязвил десятилетний брат Ваня. – На свиданку. – и наябедничал: – Ма, она с одним десятиклассником на Мухавец ходит...

– Что ты плетешь?! – взвилась Анюта. – Дурень малый!

– Как тебе не стыдно? – сказал сыну Кижеватов.

- Кому стыдно? Ей или мне? – Ваня был вредный.
- Анюта уже уходила.
- Анця-а-а, – шутливо окликнул отец.
- Что, па?
- Веди себя.
- Я всегда себя веду, папа...

По железной дороге навстречу друг другу мчались два поезда.
Со стороны СССР шел наш «Москва–Берлин».
Со стороны Германии – товарный.
Машинисты паровозов приветствовали друг друга длинными гудками и локомотивы разлетелись в разные стороны.
Наш спешил вслед за ночью 21 июня.
Немецкий летел навстречу рассвету нового дня 22 июня.

Крепость спала.
Только из клуба – бывшей церкви доносился усталый голос трубы.
Измученный воспитанник музввода Петя Крыга разучивал партию трубы к увертюре к опере «Кармен».

Над Бугом висела предутренняя тишина.
Спокойные воды курились легкой дымкой.
На берегу Буга стояли все высшие офицеры штаба дивизии Шлиппера.
Курили. Смотрели на Цитадель.

Гаврилов и начштаба дивизии сидели на кухне. Курили. Перед ними стоял остывший чай в стаканах с подстаканниками.

Александра Васильевна лежала в соседней комнате рядом с дочерью и широко открытыми глазами смотрела в потолок.
Верка сладко спала.

Разговаривали шепотом, чтобы не разбудить девочку.

– Знаешь, почему ты только майор хоть и командир полка? – спросил начштаба. – Потому что, как говаривал мой батя: ты умный дурак. Кто тебя всегда за язык тянет?

– В каком смысле?

Начштаба вздохнул, почему-то оглянулся и еще больше понизил голос:

– Гитлер – это дьявол во плоти. Твои слова?

– Откуда ты знаешь?

Начштаба разозлился.

– Если бы это знал один только я, я бы сейчас катил в Ялту, сидел в вагоне-ресторане и пил «Абрау-Дюрсо». А ты бы, как и я, полковником был!!!

– Самое красивое звание – капитан...

– Дурак ты...

– Почему?

– Как почему? Гитлер, по-твоему, дьявол? Так что ж выходит, советское правительство в 39-м с дьяволом Пакт заключило?!

– Я так не говорил.

– Это вместо тебя скажут! Если уже не сказали... Меня в пожарном порядке, отозвали из отпуска. С поезда сняли. А ты завтра должен быть в политуправлении штаба округа. В 7-00.

– Так мое же недостойное поведение на партсобрании разбирать будут. Или вы им не сообщили?

– Сообщили. – вздохнул начштаба.

– Завтра же воскресенье! – изумился Гаврилов.

– То-то и оно... Ты все понял?

– Понял. – вздохнул Гаврилов и после небольшой паузы сказал: – Если фюрер сюда попрет, мы окажемся в Брестской крепости как в котле. – и поднял большой палец правой руки. – Вот такой супец будет!

– Слушай, Петр, татары все такие упрямые?

– Я крещеный татарин. – ответил комполка.

– Дурак ты... – устало повторил начштаба. – Хоть и крещеный.

– Без дураков было бы скучно жить на свете. Лермонтов Михаил Юрьевич. – улыбнулся Гаврилов.

Усталая Петькина труба все еще выводила музыку из «Кармен».

Немецкий товарняк остановился на первом пути Брестского вокзала.

Эшелон состоял всего из двух вагонов: один был сразу за паровозом, а второй в хвосте.

Все остальное были платформы, груженные длинными зелеными ящиками, сложенными друг на друга.

Товарняк зловеще замер перед семафором.

Майор Гаврилов возвращался от начштаба к себе домой. Вышел из-за ивы и наткнулся на целующуюся пару. Влюбленных он узнал сразу.

Младший лейтенант был одним из комвзводов его полка, а девушка – медсестра госпиталя Эра Холецкая.

Обойти влюбленных было невозможно. Ну не назад же возвращаться!

Гаврилов деликатно кашлянул.

– Ой! – Холецкая оттолкнула лейтенанта и закрыла лицо руками.

Младший лейтенант остолбенело вытянулся. Майору надо было что-то сказать. Он и сказал:

– Так и Родину можно процеловать, товарищ младший лейтенант.

– Виноват, товарищ комполка!

– Ну, так уж и виноват, – улыбнулся Гаврилов и пошел дальше.

А Холецкой погрозил пальцем и грозно пообещал:

– Все матери расскажу.

И ушел в темноту.

Эра хитровато улыбнулась, потом хихикнула и уверенно сказала младшему лейтенанту:

– Не расскажет...

Бойцов пограничного секрета пограничников Мясникова и Щербину обеспокоил непонятный ровный гул, доносящийся с немецкого берега.

– Доложи на заставу. – приказал Щербина.

Мясников покрутил ручку полевого телефона.

– Застава, застава, я четвертый! – зашептал он в трубку.

– Слушаю, – ответила трубка. – Что случилось?

– Наблюдаем шум на том берегу.

– Шум слышат, а не наблюдают. Что за шум?

- Весь берег гудит. Вот послушайте.
- И Мясников поднял трубку.
- Усильте наблюдение. И не паниковать!

Больше уже поцеловаться влюбленным не пришлось.

Как только Гаврилов ушел, тут же раздался топот сапог и появился красноармеец из госпиталя.

- Товарищ младший лейтенант! Разрешите обратиться к Эре Петровне.
- Обращайтесь.

– Военврач 2-го ранга Маслов приказали вам незамедлительно явиться в госпиталь.

– А что случилось?

– Срочная операция. Там аппендицитнику нашему совсем поплохело. Так что военврач 2-го ранга приказали...

– Все! Я побежала... – засуетилась Эра.

Младший лейтенант хотел ее приобнять, но красноармеец стоял рядом и дожидался медсестру. Пришлось сказать:

– Ну, до завтра...

А над крепостью звучала увертюра из оперы «Кармен».

– Слушай, он что – до утра будет трубить? – спросила у начштаба его жена.

– До утра.

– Ты с ума сошел! Так над ребенком измываться.

– Ничего, ничего... Завтра отоспится. Зато будет знать, что в город без разрешения командира выходить нельзя.

– Коля! Его Андрей Савельевич попросил.

– И ты со своей сестрой будете знать, как покрывать этого недоросля...

– Послушай...

– Все, спать! – начштаба стал раздеваться и вдруг замер. – Жалко Гаврилова. Хороший мужик.

– А что случилось? – встревожено спросила Александра Васильевна.

– Ничего. Спи.

Сонный обходчик шел вдоль германского товарняка.
Паровоз дал гудок отправления.
Обходчик поднял голову от рельс к платформам и... опешил.

Все верхние ящики на платформах одновременно открылись и из них, как из гробов, стали вставать красноармейцы с необычными автоматами за плечами.

Четко и слажено они сбросили с платформы каждый свой ящик, а сами спрыгнули на перрон вокзала. Стали строиться.

Открылся второй ряд. Все повторилось!

Третий ряд. Тоже!

Четвертый. Опять!

Обходчик стоял как замороженный.

В госпитале на Волынском укреплении через многоместную палату шла медсестра хирургического отделения Эра Холецкая. Она уже была в белом халате.

Подошла к одной из кровати. Там лежал белобрысый стриженный новобранец.

– Ну, как себя чувствуешь, орел? Болит?

– Болит.

– Терпи. Скоро операционная освободится – следующий ты. Боишься?

– Боюсь. – сознался новобранец.

– Ну и дурачок. Аппендицит – операция простая. Выспишься под хлороформом, и через недельку прыгать будешь.

– Спасибо, Эра Петровна...

– Не за что. Спи.

Начштаба разбудил нервный звонок телефона.

– Спишь? – низким голосом спросила трубка.

– Никак нет, товарищ генерал-майор!

– Значит так, сверху сообщили – сегодня ночью ожидается провокационный налет фашистских банд на нашу территорию...

Приказываю: банды пленить, но границу не переходить ни в коем случае!
Повтори.

– Есть пленить банды и границу не переходить!

– Второе. Незамедлительно выдвинуть дивизию из крепости.

– Куда выдвинуть?

– Ну не к немцам же! – раздраженно ответила трубка. – Двигаться к частям, которые находятся на учениях. Выведешь полки на Кобринское направление. Часть через Северные ворота, а часть через главный вход на восточных валах. В 4-00 можешь объявить боевую готовность. Только тихо, без лишнего шума. Все ясно?

– Так точно, товарищ генерал-майор! – начштаба одной рукой держал трубку, а другой уже натягивал галифе.

– Будь здоров.

Гаврилов склонился над спящей женой. Поцеловал в щеку.

– Ну, где тебя носит? – спросонья забурчала женщина.

– Спи. Я поехал.

– Куда?

– В штаб округа.

– Завтра же воскресенье!

– Вот то-то и оно. – словами начштаба ответил Гаврилов. – А воскресенье уже сегодня.

Платформы немецкого товарняка уже были пусты.

Горы зеленых ящиков валялись слева и справа от поезда.

На перроне выстроились «красноармейцы» с немецкими автоматами на плечах.

За товарняком готовились к броску в сторону Брестской крепости десантники-эсэсовцы.

А вот они-то и были в своей форме, с засученными по локоть рукавами.

Убитый обходчик лежал на рельсах.

Майор Гаврилов и сонный шофер-сержант Сергей Демин выехали на «Эмке» из северных ворот и через спящий Брест покатали на Барановичи.

Фашистские десантники стремительным марш броском преодолевали расстояние между вокзалом и Брестской крепостью.

На перроне «красноармейцам» давались последние указания.

И в это время из пустого здания вокзала вышел комендантский патруль.

– Что за часть, сержант? – обратился начальник патруля, усатый и немолодой уже капитан.

«Сержант» тупо смотрел на него.

– Я у вас спрашиваю?

«Сержант» как окаменел.

Чеканя шаг к начальнику патруля, подошел «старший лейтенант» и взял под козырек.

Капитан приложил правую руку к козырьку и... рухнул на перрон от удара кортиком.

Диверсанты уже добивали двух красноармейцев.

– Имей ввиду, Курт, – по-немецки сказал «сержанту» «старший лейтенант»: – Кто не знает языка противника, тот рано или поздно перестает говорить и на своем. – и стал давать последние указания: – После завершения артподготовки войти в крепость. Здесь, здесь и здесь дома командного состава Цитадели. Используя возникшую панику, всех офицеров ликвидировать... Всех мужчин без исключения. Вперед!

Эсэсовцы бросились врассыпную выполнять свои задания.

Стены первого и последнего вагона немецкого товарняка, обращенные в сторону крепости, вдруг обрушились и на платформах оказались ракетные минометы.

Возле них суетились расчеты.

Два пограничника в «секрете» заметили одинокую надувную лодку, которая переправлялась через Буг.

– Застава, застава! – зашептал в трубку один. – наблюдаем резиновую лодку. Что делать?

– В лодке есть люди?

– Так точно, два человека... Направляются к нашему берегу.

– Может рыбаки?

– Не знаю.

– Действуйте в соответствии с уставом.

Пограничник положил трубку, схватил винтовку, встал в полный рост:

– Стой, кто идет!

Лодка продолжала приближаться к берегу.

– Стой, стрелять буду!

Лодка плыла. Один из сидящих, положил на правое плечо гранатомет.

– Стой, стрелять буду! – повторил пограничник и щелкнул затвором.

Гранатомет выплюнул столб огня.

Пограничный «секрет» взлетел на воздух.

Это был первый выстрел утром 22 июня.

Лейтенант Алексей Бобков проснулся от неясной тревоги. Как будто сон кошмарный приснился.

Его жена лежала рядом и широко открытыми глазами смотрела на мужа.

– Ты чего не спишь? – спросил Бобков.

– Душно.

– Лето. Осенью холодно будет. Дети спят?

– Спят.

– Ну, спи, моя хорошая, спи...

– Алеша?

– Что?

– Ты меня любишь?

– Ты же у меня вечером об этом спрашивала.

– Уже утро. Ты меня любишь?

– Родная моя! Ты у меня самая светлая, самая чистая, самая добрая и самая красивая.

– Поцелуй меня.

Бобков поцеловал жену.

– Спи.

– Душно. Наверное, гроза будет... Алеша?

– Что?

– А у нас ребеночек будет...

Бобков аж привстал на кровать:

- Откуда ты знаешь?
- В санчасти была...
- Третий? – расцвел Бобков.
- Третий! Ты рад?
- Еще бы! У нас будут собственные детские ясли на дому! А кто?

Мальчик или девочка?

- Ну, кто ж тебе сейчас это скажет?
- Так, Раечка! По этому случаю следует тяпнуть винца!
- С ума сошел! Какое вино в четыре часа утра?
- Завтра, то есть сегодня воскресенье... Выходной. И есть повод! –

Бобков вскочил с кровати.

- Сумасшедший! Детей разбудишь!

И в это время страшно загрохотало, в окне полыхнуло.

- Ну и гроза! – сказала жена.

Бобков подбежал к окну.

По всему руслу Буга и Мухавца от западного берега к восточному устремились надувные лодки, нагруженные до предела немецкими пехотинцами.

Немецкая артиллерия открыла огонь.

И затем случилось то, что показалось чудом: наша артиллерия не отвечала. Только изредка какое-нибудь орудие с нашего берега открывало огонь.

Через несколько часов дивизии первого эшелона были на нашем берегу.

Уже одетый, начштаба говорил в трубку:

– Объявляй тревогу и выводи полк через северные ворота. И смотри, чтобы все было...

Это были последние слова начштаба.

Раздался режущий звук.

Снаряд выбил раму в окне и разорвался в спальне красного командира.

Встревоженная жена, сидевшая на кровати, маленькая дочурка, спавшая рядом и сам начштаба просто исчезли.

22 июня 1941 года 4 часа утра

На крепость и город противник обрушил огонь более 600 орудий и минометов.

Сотни самолетов 2-го Воздушного флота, в составе которого был 8-й авиакорпус пикирующих бомбардировщиков, сбрасывали смертельный груз.

Противник имел почти 10-кратное превосходство в силах.

Труба Пети, игравшая «Кармен», захлебнулась.

– Что это? – спросил Петя у Волошенюка.

– Гром, мабыць, – простодушно ответил старшина.

И тут гахнула так, что изо всех окон повывлетали рамы.

Старшину и его воспитанника швырнуло на стенку ударной волной.

Висящие на ней инструменты со звоном полетели на них вместе с портретами вождей.

С купола и со стен от страшного взрыва обрушилась вся штукатурка. Из-под нее глянули на оглушенных Петьку и Волошенюка лики Святых, старинные росписи храма, который сейчас служил людям как гарнизонный клуб.

Военврач 2-го ранга Маслов Борис Михайлович оперировал больного красноармейца, когда началась канонада.

В операционную ворвалась старшая медсестра хирургического отделения Эра Холецкая.

– Борис Михайлович, это война!

Маслов повернул к ней голову, тыльной стороной ладони поправил очки и сказал:

– Ну что ж, милочка, это не повод, чтобы прекращать операцию. Чего вы всполошились? – и тут же обратился к операционной сестре.

– Зажим!

– Застава в ружье!

Пограничники заставы Кижеватова вскочили со своих коек.

– Быстрее! Быстрее! – кричал Кижеватов. – Все до одного из казармы!

К Бугу!

Хватались винтовки, боеприпасы.

Пограничники покидали здание казармы.

Большинство успело выбежать.

Через минуту с неба на здание обрушился огонь.

Кто-то был убит, кто-то сгорел заживо.

– Одевай детей! – кричал Бобков жене, одевая гимнастерку. – И за мной! На подземный склад! Там укроетесь! А я в роту!!!

Бобковы успели добежать до склада.

Там уже собралось несколько десятков семей командиров, но внутрь склада попасть не могли, на дверях висел замок, который никак не могли сбить.

Его помог сбить тяжелый снаряд, разорвавшийся возле дверей.

Жену и завернутую в одеяльце дочку лейтенанта Бобкова убило сразу. Сам лейтенант был смертельно ранен.

Оглушенный взрывной волной и легко раненый Алик тормозил мертвую маму и мертвую сестричку.

– Мама-а-а!! Папа-а-а!!! Больно-о-о! А-а-а!!!

Лейтенант Бобков застонал и открыл глаза.

Пятилетний мальчик тормозил уже его и кричал:

– Папа, папочка, вставай... Маме плохо... Азе плохо! Помоги-и!! Папа-а-а!

Бобков собрал последние силы и закричал Алику:

– Уползай отсюда! Вниз! В подвал! Я кому сказал! Уходи!!!

Бобков увидел бегущих немецких солдат.

Он успел выстрелить.

В него полетела граната и упала возле сына.

Бобков оттолкнул мальчика и накрыл гранату своим телом.

Взрыв!

Петька Крыга бежал через крепость к своему дому, судорожно сжимая в руках свою трубу.

Все вокруг рвалось и горело.

Клубы пыли красного кирпича смешенной с дымом висели над крепостью.

Свет восходящего солнца, который пробивался через эти клубы, был кровавым.

Они с матерью жили на первом этаже.

Один из первых снарядов разорвался под окном.

Стена обрушилась.

– Пе-етя-а! Петя-а!!! – кричала, сидя на кровати молодая красивая женщина вдова пограничника и мать Пети.

Она прижимала к груди разорванное тельце своего младшего сына.

Взрывы сливались в сплошной грохот, земля сотрясалась и стонала. Воздух был затянут дымом и пылью. Валились деревья, горели и рушились здания.

Фашистами был открыт ураганный огонь по казармам, по выходам из казарм в центральной части крепости, по мостам и входным воротам, по домам комсостава.

Один из снарядов угодил в конюшню.

Часть лошадей была убита.

Часть задыхалась в дыму и огне в своих стойлах.

Часть вырвалась из горящего здания конюшни и, обезумевшие от взрывов, металась среди обезумевших и ничего не понимающих людей.

Гаврилов уже был далеко за Брестом, когда услышал канонаду.

– Стой! – приказал он шоферу.

«Эмка» остановилась.

Гаврилов выскочил на шоссе.

Над Брестом уже поднималось зарево.

– Приехали. – сам себе сказал майор и добавил какое-то слово по-татарски.

Он впрыгнул в кабину, закричал сержанту:

– Разворачивайся и жми на всю железку.

«Эмка» круто развернулась и понеслась в сторону пылающего Бреста.

Все, находившиеся в крепости, внезапно проснулись среди огня и смерти, и многие погибли в первые же секунды, еще не успев прийти в себя и сообразить, что же происходит вокруг.

На позиции немецких батарей поступил приказ:

– Перенести огонь!

– Есть!

Орудия, бившие по домам комсостава, умолкли.

Расчеты стали менять прицел.

«Эмка» Гаврилова влетела в крепость как раз в ту паузу, когда немецкие орудия перенацеливались.

Все дымилось кровавыми клубами.

– Что это, товарищ майор? – спросил испуганный шофер.

– Нерушимая дружба народов, Серега! – зло ответил Гаврилов и скомандовал: – За мной!

Они выскочили с «Эмки» и исчезли в дыму и клубах красной пыли.

– Петя-а-а! – кричала мать, прижимая окровавленное тело младшего сына.

Их сосед, молодой лейтенант, шатаясь, вышел из подъезда.

В проломе показался немецкий десантник в форме красноармейца.

– Боец, ко мне! – скомандовал лейтенант. – Помогите...

«Боец» помог.

Вскинув автомат, он длинной очередью прошелся и по лейтенанту, и по матери Петьки.

Даже мертвому братику досталось.

Лейтенант рухнул лицом вниз.

Фашисту этого показалось недостаточно. Он достал гранату и взвел ее.

В этом время показался Петя со своей трубой.

– Ма-ама-а-а!!!

Лейтенант поднял голову, из последних сил выбросил руку с наганом и выстрелил в десантника.

– Петька, уходи! Уходи-и-и!

– Ма-ама-а-а!!!

Десантник, получив пулю в живот, выронил гранату и скорчился.

Петя бежал к матери и к бойцу в форме красноармейца.

– Петя, наза-а-а-ад!!! – собрал последние силы, закричал лейтенант и умер.

Немецкий десантник, упав на землю, сучил ногами от боли возле своей гранаты.

Петька бросился ему помогать.

Граната взорвалась.

Немецкая пехота стала развивать наступление и устремилась к мосту через Мухавец, чтобы ворваться в крепость через Холмские ворота.

Около роты автоматчиков сумели проскочить мост и Холмские ворота.

В это время бойцы комиссара Фомина атаковали плотную цепочку вражеской пехоты слева и справа.

Возле ворот завязалась рукопашная, в результате которой вражеская цепочка была разорвана.

Часть фашистов не то наступая, не то отступая, отстреливаясь, отошла к клубу и укрылась в нем, а другая, уж точно отступая, выскочила через Холмские ворота назад к Муховцу и, устилая мост трупами, отступила назад на остров Госпитальный.

Фомин занял оборону перед мостом.

Паровоз орал надрывными гудками на каждом полустанке и тащил за собой на Юг грохочущие на стыках вагоны.

Все пассажиры прильнули к стеклам правой стороны состава.

Весь Запад пылал алым по всем горизонту, как будто солнце в это утро всходило не на Востоке, а именно на Западе.

Жена полкового комиссара Фомина Августина Муравская, оставившая себе при бракосочетании свою девичью фамилию, стояла в тамбуре, уткнувшись лбом в стекло вагонной двери!

По ее смуглому, спокойному лицу катились тихие слезы.

Сосущая сердце тоска, подсказывала женщине, что их короткая встреча с мужем в Бресте, куда она заехала, чтобы потом вместе поехать в отпуск на юг и, где в шутку пообещала до его приезда обзавестись любовником – была последней.

Больше она его не увидит.

– Не увидишь! Не увидишь! Не увидишь! – равнодушно выстукивали вагонные колеса.

– Ка-ак? – орал Шлиппер на командира батальона. – Как это окружены?!

– Они прорвались в цитадель, но русским удалось отсечь их от основных наступающих сил. Они заперты в церкви, заняли круговую оборону. Сообщают по рации, что пока отбиваются.

– Что за подразделение?

– 70 солдат из 3-го батальона...

– В третьем батальоне служит Иоган Шмидт.

– Он среди них.

– Что-о-о?! Немедленно! Любой ценой! Любыми средствами вывести их из окружения. Это племянник фюрера! Если он погибнет в первые часы войны... Выполняйте!

– Есть!

Немцы, запертые в клубе на втором этаже, отчаянно отбивались от красноармейцев, пытавшихся прорваться в клуб и уничтожить их.

Из окон клуба фашисты поливали площадь перед зданием из пулеметов.

Лики Святых со стен смотрели в их спины.

Спецподразделение под командой белобрысого оберлейтенанта ворвалось в госпиталь.

Врачей, медсестер, санитарок, больных красноармейцев стали выгонять из здания на улицу.

Оберлейтенант с группой солдат направлялся в операционную.

Путь им преградила медсестра Эра Холецкая:

– Сюда нельзя! Идет операция... Нельзя.

Оберлейтенант равнодушно выстрелил в медсестру, перешагнув через ее тело и вошел в операционную в сопровождении десяти солдат.

– Вэк! – приказал он.

– Простите, – сказал по-немецки военврач Маслов. – Но я же оперирую...

– Вэк! Вэк! – повторил лейтенант.

– Да вы что?!

Оберлейтенант сделал знак головой солдатам.

Военврача и медсестер прикладами стали выталкивать из операционной.

– Да вы что?! Он же под хлороформом! Он же умрет!

– Вэк! Вэк!

Через несколько секунд операционная была пуста.

Стриженный новобранец остался на операционном столе.

Он спал под воздействием хлороформа.

Майор Гаврилов со своим шофером Сергеем Деминым бежали к домам комсостава.

Впереди бежал немецкий десантник в красноармейской форме.

– Наши, – сказал Демину Гаврилов и стал догонять «нквэдиста».

– Бое-ец! Бое-ец, – заметив «десантника», закричал раненый батальонный комиссар Дербенев, который в натальной рубашке, прижимая левую руку к окровавленному плечу, лежал возле детской песочницы. – Сюда!

«Боец» подбежал и в упор расстрелял Дербенева.

Гаврилов окаменел, но только на одну секунду.

В следующую секунду он выпрыгнул из дыма сзади диверсанта и выстрелил ему из нагана в затылок.

Забрав автомат, Гаврилов протянул Демину свой наган:

– На, Серега, потом отдашь.

Пришедшие немного в себя после артобстрела командиры, которые имели табельное оружие, стали отстреливаться от нападавших диверсантов.

Группа десантников приняли Гаврилова и Демина за своих и близко подпустили к себе.

Гаврилов с наслаждением расстрелял пятерых диверсантов и скомандовал Демину:

– К казармам!

Немецкие пехотинцы стали высаживаться из лодок.

– Не стрелять! – шепотом приказал своим пограничникам Кижеватов.

Немцы шли от берега Буга к заставе спокойно и уверенно.

Некоторые даже улыбались.

Пограничники лежали на земле.

За их спинами пылали казармы.

Немцы шли. Все ближе, ближе, ближе.

– Не стрелять, – шепотом еще раз повторил Кижеватов.

И когда уже оставалось метров пятнадцать-двадцать, лейтенант вскочил и дико закричал:

– Вперееед!

Штыковой атаки немцы не ожидали и не выдержали.

Врачей, медсестер, санитарок и больных госпиталя оберлейтенант стал выстраивать перед мостом к Холмским воротам. Среди пленных было несколько детей медицинского персонала.

Оберлейтенант командовал:

– Мужчина, женщина, ребенок, больной.

– Господин офицер, – по-немецки обратился к оберлейтенанту военврач Маслов. – Отпустите, пожалуйста, детей...

– Женщина, мужчина, больной, ребенок, – строил колонну прикрытия оберлейтенант.

– Господин офицер...

– Молчать! – зловеще глянул на Маслова оберлейтенант, и, выстроив еще одну колонну, стал объяснять: – По команде ровным строем и не торопясь двигаться по мосту. Неподчинение, быстрое движение, попытка убежать, попытка лечь – расстрел.

Оберлейтенант дал команду своим солдатам, те быстро выстроились за спинами живого щита, держа автоматы наизготовку.

– Вперед!

Но люди стояли.

– Вперед – оберлейтенант выдернул из кобуры парабеллум.

Люди стояли.

Тогда оберлейтенант подошел к самому крайнему в колонне больному на костылях и выстрелил ему в затылок.

Больной упал наземь, костыли упали на его тело

– Вперед!

Колонна двинулась к мосту

Казармы Кобринского укрепления горели.

Немецкие автоматчики, захватив мост через Буг, целыми колоннами бежали на восточный берег и рассредоточивались по нему. Иные как саранча форсировали Буг на резиновых лодках.

Забрав автоматы убитых «красноармейцев», Гаврилов и его шофер Демин подбежали к одному из уцелевших подъездов.

Навстречу выскочил мужчина в командирских брюках, в майке и с пистолетом в руках.

– Вы кто? – закричал Гаврилов.

– Капитан Шабловский! Командир батальона.

– Возьми автоматы, собери мужиков, организуй оборону домов...

– Есть!

– Увидишь кого-либо вот с такими автоматами – стреляй не раздумывая! Диверсанты! Только смотри, своих не перестреляй!!!

– Понял товарищ майор! Понял! – хватая автоматы, закричал Шабловский.

– И выводите людей из крепости!

Гаврилов и Демин побежали в направлении пылающих казарм.

Полковой комиссар Фомин и капитан Зубачев организовывали оборону Холмских ворот.

Зубачев расставлял по окнам крепостной стены красноармейцев вооруженных пулеметами Дегтярева.

Фомин был на позиции перед самым мостом.

– Товарищ полковой комиссар! – закричал один из красноармейцев. – Наши! С госпитального острова!

Фомин поднял голову.

К мосту через Мухавец двигалась плотная цепочка людей в белых и больничных халатах. Иные были на костылях. Среди людей было несколько малолетних детей. Медсестры вели их за руку.

Начальник госпиталя военврач 2-го ранга Маслов шел в самом центре. На шее у него болталась марлевая повязка.

Оберлейтенант вышагивал за широкоплечим военврачем.

Слева и справа от оберлейтенанта, пригнувшись с автоматами наизготовку, двигалась полурота десантников.

Держащие наизготовку свои винтовки красноармейцы растерянно глянули на полкового комиссара.

– Скоты... – тихо прошептал Фомин.

– Есть, кто старше майора? – закричал Гаврилов в цепочке красноармейцев, которые, заняв оборону перед разрушенными казармами, отстреливались от нападающих немцев.

– Никак нет!

– Кто старший?

– Батальонный комиссар Венедиктов. Зам. командира 75-го разведывательного батальона.

– Часть бойцов оставить для прикрытия – остальных уводи из крепости через Северные ворота.

– Чей приказ?

– Мой!

Щит из живых людей медленно двигался по мосту.

Зубачев подполз к Фомину:

– Что делать, товарищ полковой комиссар?

– Прикажи бойцам прицелиться в людей на уровень груди...

– Как? – побледнел Зубачев.

– Тщательно! – свирепо сверкнул глазами Фомин. – Тщательно прицелиться! Услышишь любую мою команду – в ту же секунду скомандуешь «огонь». Понятно говорю?

– Так точно.

Фомин встал и громко позвал:

– Гущин! Юрков! Алиев! Иванцов! Петренко! Дзарахов! Ко мне!

Бойцы со всех сторон подбегали к Фомину.

– В одну шеренгу становись!

Немцы, прикрытые живым щитом, уже подходили к середине моста.

Бойцы выстроились.

– За мной! – Фомин повернулся и пошел к мосту.

Вступив на мост, Фомин приказал:

– Оружие на землю!

– Товарищ полковой комиссар... – удивленно промолвил рядовой Гущин.

– Слушать и выполнять все мои команды! – не оборачиваясь к бойцам, ледяным голосом промолвил Фомин. – Оружие на землю!

Бойцы положили на доски моста свои винтовки. Гущин положил свой пулемет.

– Делай как я, – не оборачиваясь, промолвил Фомин, расстегнул португую, стал расстегивать ремень.

– Что это он? – изумленно спросил у Зубачева один из бойцов. – Сдается?

– Молчи! – цыкнул на него капитан и скомандовал: – Всем прицелиться в медперсонал госпиталя по уровню груди! Без команды не стрелять!

Удивленные красноармейцы прижались к своим винтовкам и пулеметам.

Фомин расстегнул ремень с кобурой и бросил его себе под ноги.
Бойцы сделали тоже.

– Сдаются, – с улыбкой сказал унтер офицеру оберлейтенант.

– Делай как я, – еще раз, не оборачиваясь к бойцам, приказал Фомин и, опустив голову, поднял руки вверх. – Слушать мою следующую команду.

И Фомин, с поднятыми руками, медленно пошел навстречу немцам.
Бойцы тоже подняли руки, и пошли за своим комиссаром.

Немцы из-за спин врачей, медсестер и больных держали их под прицелом.

«Живой щит» немцев и цепочка красноармейцев сближалась.

Когда между ними оставалось метров пять, Фомин сквозь зубы громко и внятно прошептал:

– Слушать мою команду... – и, сделав еще два шага, закричал страшным голосом:

– Ложись!!!

Поскольку среди «живого щита» подавляющее большинство было военных, команду выполняли моментально.

Многие упали, испугавшись крика.

Фомин и его бойцы, падая, увлекли вниз тех, кто замешкался.

– Огонь!!! – скомандовал Зубачев.

Шквал огня, «на уровне груди медперсонала», обрушился на оставшихся без прикрытия десантников.

Первые две шеренги получили в голову и груди свои пули, стали опрокидываться на задних, не давая им сориентироваться.

– За мной! В атаку! – взмахнув наганом, бросился на мост Зубачев.
– Ура-а-а-а!!!

Оберлейтенанта пули обминули.

Он в упор выстрелил в бросившегося на него безоружного Фомина.

Пуля обожгла висок и снесла верхнюю часть уха у комиссара.

Второй раз оберлейтенант выстрелить уже не успел.

Парабеллум полетел через перила в Мухавец, а сам оберлейтенант получил страшный удар кулаком в лицо и отлетел к перилам моста.

Бойцы, которые шли с поднятыми руками вместе с Фоминым, перескочили через лежащих на мосту госпитализированных красноармейцев, врачей и медсестер и сцепились с десантниками.

От Холмских ворот катилась оцетинившаяся штыками лавина красноармейцев:

– Урра-а-а-а!!!

Фомин поднял за грудки оглушенного оберлейтенанта и стал его бить.

Он не воевал с немцем. Он его просто бил. Жестоко, с наслаждением.

Оберлейтенант вначале пробовал защищаться.

Потом сопротивлялся.

Потом перестал.

А Фомин все бил! Бил! Бил!

Бил до тех пор, пока не услышал у себя над ухом крик Зубачева:

– Ефим Моисеевич! Прекратите!!!

Фомин оглянулся.

Перед ним стоял бледный Зубачев. Он понимал, что присутствует при чем-то очень страшном.

Фомин перевел взгляд на немецкого офицера и понял, что бьет уже мертвеца. Один глаз у оберлейтенанта был выбит, а другой безжизненно смотрел на Фомина.

Полковой комиссар разжал руку, сжимавшую воротник оберлейтенантского мундира.

Тело оберлейтенанта, как оборвавшаяся цепь, сложилось у ног Фомина.

Зубачев протянул ему портупею с кобурой и чуть ли не приказал:

– Заправьтесь!

Фомин взял португею, стал одевать ее.

– Отводи людей... – приказал он Зубачеву и, застегивая португею, устало побрел по мосту к Холмским воротам.

У Северных ворот майор Гаврилов командовал выходом подразделений из крепости.

Крепость покидали курсанты полковой школы младшего командного состава, вольнонаемные, женщины, дети и остатки 1-го батальона 125-го стрелкового полка.

– Командира, ко мне! – приказал Гаврилов.

– Товарищ майор! Командир 1-го батальона капитан Ландышев!

– Слушай внимательно, капитан. Прикрывая гражданских, уходи как можно дальше от Бреста! Прорывайся на соединение с частями, которые на учениях! И быстро! Пока они кольцо не сомкнули.

– Есть! – крикнул Ландышев и закричал: – За мно-о-ой!!!

И быстро побежал.

Бойцы и гражданские побежали вслед за капитаном.

Они успели значительно удалиться от стен Цитадели, когда слева и справа показались танки и пехота немцев.

– Приехали... – зло сказал Гаврилов и скомандовал. – Все в Восточный форт!

– Ваня! Ваня! – кричала лейтенанту Почерникову истекающая кровью его жена Шура. – Дети? Где дети?

– Все, Шура, все! – лейтенант был тоже тяжело ранен. – Нету детей, нету!!!

– Господи!!!

– Шура-а! – Почерников прижал к себе жену.

– А-а-а!!!

И тут раздалось где-то рядом почти спокойное:

– Рус! Сдавайся!

Почерников вырвал из кобуры наган.

Он отстреливался и считал:

– Раз! Два! Три! Четыре! Шурочка, я в плен не сдамся! Я в плен не сдамся!

– Ванюша, милый не покидай меня... Не покидай.. Я с тобой... Забери меня с собой!!! Ванюша... Ванюша-а-а... Пожалуйста-а-а...

Она схватила руку мужа, сжимавшую наган, и прижала ее к левой груди:

– Я люблю тебя-а-а!

Из-за грохота Почерников выстрела не услышал.

Только жена вздрогнула всем телом, глаза ее стали большими-большими и она... улыбнулась.

Почерников бережно положил ее на пол и оглянулся.

– Рус! – в проеме стоял немецкий автоматчик.

Почерников выстрелил. Немецкий солдат покатился по лестнице.

Почерников прилег возле жены, погладил ее по голове, поцеловал в окровавленные губы и нажал на курок.

Выстрела в свое сердце он тоже не услышал.

Перед Шлиппером стоял смертельно усталый полковник – командир 133-го пехотного полка. Голова у него была перебинтована.

– Скажите мне, господин полковник, который теперь час?

– Полдень, мой генерал, – уловив иронию, не глядя на часы, ответил полковник.

– Фюрер назначил час, когда цитадель должна быть под контролем наших подразделений! 8-00!! Что мне доложить фюреру?!

– У меня убиты или ранены два из пяти офицеров, три из пяти унтер-офицеров! Потери полка составляют...

– Что мне доложить фюреру? – не дослушал его Шлиппер.

– Доложите фюреру, что русские отличаются от французов! – от усталости и ранения полковник ответил дерзко.

Шлиппер на это почему-то не среагировал и, сделав паузу, спросил:

– Группа из 3-го батальона, которая первой прорвалась в цитадель, в окружении?

– Да, мой генерал... С ней поддерживается радиосвязь... Из 72-х человек 20 убито или ранено.

– Йоган Шмидт жив?

– Да, мой генерал, жив...

Шлиппер подошел к телефону, поднял его и отдал приказ начальнику штаба:

– Атаки продолжить. Если к вечеру овладеть цитаделью не удастся, артобстрел цитадели прекратить! Части 133-го и 135-х полков отвести из крепости на блокадную линию.

Шлиппер зло бросил трубку, вздохнул, сказал полковнику:

– Идите, полковник... Вам необходимо сделать перевязку...

Бойцы 132-го батальона НКВД били из всех видов оружия из окон своей казармы по резиновым моторным лодкам, на которых пытались переправиться на наш берег немцы.

Лодки, встретив такой плотный огонь, пытались уйти из-под обстрела по течению.

– Товарищ старший сержант! – перекрикивая грохот стрельбы, закричал один из бойцов. – Уходят! По течению уходят!

– Бейте все по передним! По одной! Как уток на охоте!

Одна из 10 лодок все-таки вышла из зоны обстрела. Огонь утих.

В этот момент среди бойцов появился «старший лейтенант» в сопровождении «сержанта».

– Что за подразделение? Где командир?

Старший сержант Новиков вытянулся перед «старшим лейтенантом», взметнул руку к пилотке:

– Товарищ старший лейтенант! Старший сержант Новиков! 132 батальон НКВД. Командир батальона в Москве на учебе. Все офицеры и основные подразделения на Северном острове и несут службу в Бригитской тюрьме в Бресте. Из командиров здесь только я и зам.политрука Шнейдерман. Прикрываем участок Тереспольских ворот. Только что отбили атаку.

– Сколько у вас человек, сержант?

– Около пятидесяти, есть раненые, убитые...

«Старший лейтенант» вырвал из планшетки карту:

– Значит, так, сержант, как старший по званию беру командование на себя. Выдвигаемся в заданный район сосредоточения. Пять минут на сборы. Меняем дислокацию и занимаем оборону в районе этой высоты.

– Но если мы сейчас уйдем, Тереспольские ворота и мост останутся без прикрытия. Немцы ударят нашим в тыл.

– Сержант! За невыполнение приказа я прикажу вас расстрелять!!! Немедленно всем отходить.

В это время появился зам.политрука Шнейдерман.

– Никитин! Немцы на мосту.

– Товарищ политрук! Вот товарищ старший лейтенант приказывает покинуть позиции.

– Приказ командира 28-го стрелкового корпуса, политрук. Все части выходят из крепости.

Шнейдерман окинул взглядом «старшего лейтенанта» и «сержанта» и покорно согласился:

– Ну что ж приказ надо выполнять, – и вдруг вырвал наган из кобуры, и приставив его к груди «старшего лейтенанта», приказал:

– Документы!

– Да ты что, политрук? – «старший лейтенант» побелел.

– Документы, сука, или ты у меня вмиг потяжелеешь на девять грамм!!

– заорал Шнейдерман.

– Товарищ политрук, – испуганно промолвил Никитин.

– Ничего, сержант, извинюсь, если ошибся.

У «сержанта» сдали нервы. Он рванул к выходу, одновременно поливая всех огнем из автомата.

«Старший лейтенант», оттолкнув Шнейдермана, перемахнул через перила лестницы и спрыгнул на первый этаж. Упал. Шнейдерман очередью из автомата приколотил «старшего лейтенанта» к полу казармы.

На шее убитого Шнейдерман обнаружил жетон офицера вермахта.

Зло сорвав его, политрук показал жетон бойцам и промолвил с сарказмом:

– А вот и его красноармейская книжка.

В укрытие к расчетам двух 45-ток влетел молодой красноармеец.

– Кто командир?

– Я командир. – ответил тоже совсем молодой лейтенант.

– В направлении Восточного форта движутся танки. Майор Гаврилов приказали выкатить орудия на дорогу и бить прямой наводкой.

– Есть! – вскрикнул лейтенант и скомандовал: – Расчеты! Орудия из укрытий на дорогу!

Артиллеристы бросились выполнять приказ.

В бинокль Гаврилов наблюдал за действиями артиллеристов.

– Касаткин!

- Слушаю, товарищ майор!
- Пока они там будут выяснять отношения – минируй подходы к форту! Снарядами минируй!
- Понял, товарищ майор! Понял!

Две «сорокапятки» били прямой наводкой по танкам.

В результате один загорелся, второй с подбитой гусеницей закрутился на одном месте. Дорога к форту была заблокирована.

Остальные танки открыли ураганный огонь по двум миниатюрным пушечкам.

Все артиллеристы погибли.

Лейтенант остался один из расчетов, был сам себе и заряжающий, и наводчик, и стрелок, и командир.

Он бил по танкам до тех пор, пока одна из уцелевших немецких машин не подмяла под гусеницы и «сорокапятку», и его самого.

Касаткин докладывал Гаврилову:

– Минирование подходов к форту произведено: спасибо артиллеристам. Сами легли, а танкам к форту пройти не дали. Крепко выручили ребята... У нас время было.

– Кто ими командовал?

– Не могу знать, товарищ майор... Бойцы говорят, он только в пятницу из училища в свой дивизион прибыл.

– Надо выяснить. Наши подойдут, напишем на этого лейтенанта посмертное представление к званию Героя Советского Союза.

– Когда-то они подойдут?

– Подойдут, Касаткин, обязательно подойдут. А вот когда – это вопрос. Но не паникуй.

– Я не паникую, товарищ майор...

Над дымящейся крепостью повисла тишина.

Гаврилов в Восточном форте расставлял бойцов на огневые точки.

– Што й та, таварыш маёр? – спросил у Гаврилова белобрысый приписник из деревни под Брестом. – Ці можа я аглух?

– Но себя-то слышишь?

– Чую.

– Ну, значит, не оглух.

– А чаго так ціха?

– Притомились... Но держи ухо остро. Могут полезть...

– Ага!

– Ага... – вздохнул Гаврилов и пошел дальше.

К нему подбежал его шофер Демин.

– Товарищ комполка! В подвале Екатерина Григорьевна, жена ваша! Да вы не бойтесь, она жива – здорова... Она там с семьями комсостава и ранеными.

Гаврилов опрометью бросился вниз.

– Катя! – он обнял супругу. – Катя... Катя...

– Ты же уехал! Ведь ты же уехал...

– Билеты кончились, Катюша... Последний перед носом взяли...

В темный угол каземата стыдливо жались полураздетые в нижнем белье женщины.

Они были одеты в то, в чем их застала война ночью 22 июня.

Стонали раненые, плакали дети, стояла страшная жара, всем безумно хочется пить.

Копоть, дым.

Многие уже даже не плачут, а только тихонько стонут.

К Гавриловым подбежал капитан Касаткин.

Его глаза яростно сверкали.

– Иди, Катя... Иди к женщинам. Попробуй их успокоить. Скажи, пускай потерпят. Скажи, что помощь придет... Пускай потерпят... До рассвета... Пусть переживут эту ночь... Иди, Катя...

Гаврилова ушла.

– Что ты глазами сверкаешь, капитан? – спросил у Касаткина Гаврилов.

– Товарищ майор! Разрешите взять бойцов и с боем прорваться к Мухавцу за водой. Предупреждаю, если вы этого разрешения не дадите, я уйду за водой самовольно! Один! Я не в состоянии больше видеть как умирают дети, а их матери сходят с ума или вскрывают себе вены от горя. Лучше сдохнуть на берегу Мухавца... Лучше прикажите меня расстрелять за неподчинение... Больше не могу!!!

– А пошли вместе, Костя, – даже скрипнул зубами Гаврилов. – Сейчас скажу, чтоб ведра притащили... Пошли за водичкой... А командование обороной форта возложим на старшину музввода Волошенюк ... С его гармошкой... А начштабом вместо тебя моего водителя Серегу Демина назначим! Пускай воюют! А мы с тобой за водичкой!

Под сводом каземата этот разговор слушала Екатерина Григорьевна. Не дождавшись конца разговора, она резко повернулась и ушла.

– Иди, начштаба, – устало сказал Гаврилов. – Иди и не дури... – и ушел сам.

– Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант! – окликнул Кижеватова пограничник.

– Что такое? – спросил Кижеватов.

– От немцев... С белым флагом. Офицер.

– Не стрелять. Где моя фуражка? – Кижеватов снял с головы каску.

Лейтенанту подали фуражку. Он одел ее, одернул гимнастерку и, встав в полный рост, пошел навстречу немецкому офицеру.

Встретились.

– Командир батальона 135-го пехотного полка гауптман Грейвиц. – представился офицер и козырнул.

– Начальник 9-ой погранзаставы лейтенант Кижеватов. – ответил Кижеватов и тоже взмахнул правой рукой возле козырька своей фуражки.

– Уполномочен своим командованием предложить вам прекратить бессмысленное сопротивление и сдаться.

– Уполномочен своим командованием заявить, что вами нарушена государственная граница Союза Советских Социалистических Республик.

Предлагаю вашим частям незамедлительно очистить территорию нашей страны.

– Господин лейтенант! Высшее руководство вашей страны сосредоточило на нашей границе большое количество войск и именно поэтому...

– Господин гауптман! – не дослушал его Кижеватов. – Я не собираюсь с вами ничего обсуждать! Убирайтесь отсюда к чертовой матери. Я несу ответственность за вверенный мне участок границы, и буду защищать его всеми доступными средствами! И до конца!

– Вы отдаёте себе отчет в том, что обрекаете на верную смерть и себя, и своих солдат, и ваши семьи...

– Это в большей степени относится к вам, к вашим солдатам и к вашим семьям, господин гауптман. Честь имею.

Кижеватов повернулся спиной к немцу и пошел к своим окопам.

Гауптман постоял, посмотрел вслед удаляющемуся Кижеватову, тоже повернулся и, свертывая белый флаг, направился к своим.

– Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант! – зашептал один из пограничников. – он уже без флага. Можно я пульну?

– Я тебе пульну! – строго сказал Кижеватов. – Тоже мне пуляльщик нашелся.

Сотрудник отдела пропаганды тоненький, инфантильного вида лейтенант-переводчик Курт Вальдхайм направлялся к агитмашине. В руках у него были тексты-обращения к защитникам Брестской крепости.

В подвале овощехранилища жалобно и чуть слышно всхлипывал Алик Бобков. Он грыз кусочек сырой картошки и плакал.

Группа солдат во главе с унтер-офицером занималась зачисткой захваченных укреплений. Возле входа в подвал остановились. Прислушались. Из подвала доносились какие-то звуки.

– Брось туда гранату, Генрих, – сказал одному из солдат унтер-офицер.
Солдат стал снимать с пояса гранату.

В это время к группе подошел Курт Вальдхайм.

– Что тут у вас?

– Господин лейтенант, в подвале кто-то находится. Я приказал бросить гранату, после чего мы осмотрим подвал.

– Подождите. – Вальдхайм прислушался.

Из подвала доносилось детское всхлипывание.

– Это же ребенок. – сказал Вальдхайм.

– Господин лейтенант, здесь в нас уже стреляют даже дети!

– Трогательный факт. В самом начале войны солдаты фюрера боятся малолетних детей противника. – сказал Вальдхайм и приказал солдату: – Спрячьте гранату.

Солдат посмотрел на унтер-офицера.

– Я представитель штаба лейтенант Вальдхайм, – довольно жестко представился Курт Вальдхайм и потребовал: – Фонарик.

Он взял у унтер-офицера фонарик и стал спускаться в подвал.

– Доктор Гебельс прав: когда увидишь интеллигента, хочется схватиться за пистолет. – вслед ему прошептал унтер-офицер.

Измученный Алик Бобков попал в луч фонарика.

Он не видел вошедшего в подвал, он подумал, что за ним наконец-то пришли.

Алик протянул к вошедшему руки.

Вальдхайм выключил фонарик и, взяв ребенка на руки, стал подниматься наверх.

– Дядя, я боюсь, – плакал Алик. – Я боюсь, дядя...

Лейтенант вынес ребенка из темного подвала на свет.

Алик зажмурился, а когда увидел вокруг себя людей в незнакомой форме, закричал и потерял сознание.

– Доставить его в госпиталь в город... Спасти! Любой ценой! Начальник госпиталя мой земляк из Брануа. В юности был личным врачом фюрера.

Все вытянулись.

Вальдхайм осмотрел себя.

Его мундир и руки были в крови 5-летнего Алика Бобкова.

– Этот факт войдет в историю. – сказал Вальдхайм унтер-офицеру. – Солдаты вермахта спасают детей поверженного противника.

Крепость окружили агитмашины.

Перед микрофоном сидел сотрудник отдела пропаганды тоненький лейтенант-переводчик Курт Вальдхайм.

Над дымящейся крепостью гремело:

– Товарищи красноармейцы! Вы окружены со всех сторон! Ваше положение безнадежно! Всякое сопротивление бессмысленно!

Вальдхайм щелкнул переключателем.

Над цитаделью зазвенела «Катюша» в исполнении академического ансамбля.

Защитники цитадели слушали популярную песню.

После ее окончания Вальдхайм опять включил микрофон и продолжал проникновенным тоном:

– Зачем вам зря проливать вашу кровь? То, что немцы мучают или даже убивают пленных – это неправда! Более того – это наглая ложь! Войска вермахта в настоящее время находятся практически во всех странах Европы! Нет ни одного примера не только убийства, но даже унижения человеческого достоинства пленных. Это запрещено высшим руководством германского рейха под страхом самого жестокого наказания. Все пленные обеспечиваются кровом, горячим питанием, медицинской помощью. Простых солдат по их желанию в первый же день отпускают домой...

Вальдхайм щелкнул переключателем.

Опять загремела «Катюша».

И в это время из Восточного форта в одной нижней сорочке вышла Екатерина Григорьевна Гаврилова.

В руках у нее были два пожарных ведра.

Медленно и уверенно она пошла к Мухавцу.

Немецкие снайперы тут же взяли ее на прицел.

Но Гавриловой повезло, что первым ее заметил Курт Вальдхайм.

Выключив «Катюшу» он испуганно закричал в микрофон:

– Командирам всех подразделений! В женщину не стрелять! Я представитель штаба лейтенант Курт Вальдхайм! В женщину не стрелять!!! Приказываю от имени генерал-майора фон Шлиппера. В женщину не стрелять! В противном случае все усилия нашей пропаганды – коту под хвост!!! В женщину не стрелять!

Екатерина Григорьевна медленно вышла на берег Мухавца, поставила на землю пустые ведра, а сама вошла в воду и стала умываться под прицелами десятков снайперов.

Умыла руки, лицо, шею...

Зачерпнув воду в пригоршни, напилась.

Потом набрала воды в пожарные ведра.

И также медленно пошла назад к восточному форту.

Вальдхайм опять запустил «Катюшу».

Все в форте ждали, когда женщину срежет пуля, но все обошлось.

Только один из снайперов не выдержал и всадил пулю в ведро.

Струя воды полилась на землю.

Через секунду Екатерина Григорьевна была в форте.

Под музыку «Катюши» выкарабкался из-под обломков контуженый взрывом гранаты Петька Крыга, судорожно сжимая в руке свою трубу.

На левой щеке у него была запекшаяся кровь.

Все вокруг дымилось.

Мама и братик лежала среди груды битого красного кирпича.

Тут же лежал и, разорванный собственной гранатой, диверсант в форме красноармейца.

Петька повернул свою уже седую-седую голову направо, увидел над Восточным фортом красное полотнище и, сжимая в руках трубу, медленно побрел туда. К красному флагу.

А над крепостью гремело:

– Товарищи красноармейцы! Вы окружены со всех сторон! Ваше положение безнадежно! Всякое сопротивление бессмысленно!

И мажорная «Катюша».

Один из немецких пехотинцев, залегших возле Северных ворот, прицелился в Петьку и выстрелил.

Пуля взвизгнула над головой Петьки и цокнула в стену дома. Кусочки красного кирпича брызнули в разные стороны.

Петька даже не повернул головы и тупо шел дальше.

– А, черт! – с досадой произнес солдат и, передернув затвор винтовки, опять стал прицеливаться.

– Прекрати! – приказал ему унтер-офицер. – Это же старик. – унтер поднес к глазам бинокль. – Музыкант, наверное... Видишь труба в руках...

Петька медленно шел к восточному форту.

Над крепостью гремело:

– ...Войска вермахта в настоящее время находятся практически во всех странах Европы. Нет ни одного примера не только убийства, но даже унижения человеческого достоинства пленных. Это запрещено высшим руководством германского рейха под страхом самого жестокого наказания...

Петька шел... Над крепостью гремело:

– ...Все пленные обеспечиваются кровом, горячим питанием, медицинской помощью. Простых солдат, по их желанию, в первый же день отпускают домой.

И опять «Катюша».

Песню слушали бойцы Фомина.

Песню слушали пограничники Кижеватова

Петька шел к Восточному форту.

Бледный Гаврилов выскочил жене навстречу, пальцем закрыл пробитое пулей ведро и сказал:

– Молодец... Вот уж воистину «выходила на берег Катюша»... Только перед посторонними мужиками в таком виде могла бы и не расхаживать...

Младший сержант Эдельханов и старшина Волошенюк сидели на своей позиции возле пулемета Дегтярева и тоже слушали «Катюшу». Возле ног Волошенюка стояла гармонь-трехрядка.

– Во і песня ж добрая, а так абрыдла, – сказал Волошенюк. – Даша, а ў вас на вяселлях пяюць?

– На чем? – не понял Эдельханов.

– Ну, калі маладыя жэняцца. За сталом пяюць?.

– Поют.

– Нут-ка спей...

– Да ну...

– Ну, спей, – попросил Волошенюк. – Не магу я гэта больш слухаць.

– Не слушай.

– Ну што, табе шкада?

– Отстань, Ваня! – сказал Эдельханов, вглядываясь через окно в сторону немецких позиций.

– Ну, Даша-а-а. Давай для ўзаемнага абагашчэння культур брацкай сям’і народаў...

– Слушай, чего пристаешь? – возмутился Эдельханов.

В каземате поили водой детей и раненых.

Екатерину Григорьевну трясло.

– Товарищ майор! – отвернувшись от окна, обратился к Гаврилову один из красноармейцев.

– Посмотрите!

Гаврилов подбежал к окну и увидел седого Петьку, отупело бредущего к форту с измятой трубой в руках.

– Да это же Петька! Петька Крыга!
 – А что это у него с головой?
 – Я сейчас его приведу, – бросился к выходу один из бойцов.
 – Башаров, назад! – приказал Гаврилов. – Уложат и тебя, и его.
 Дойдет... Сам дойдет...

Над крепостью гремело:

– Товарищи красноармейцы! Вы окружены со всех сторон! Ваше положение безнадежно! Всякое сопротивление бессмысленно!

Петьку втащили в окно. Парнишку колотила дрожь. Он посмотрел безумными глазами на Гавриловых, стал произносить слова страшным шепотом:

– Дядя Петя... Тетя Катя... Мама... Димка... Мама... Димка...

– Тихо, Петенька, тихо! Успокойся... Господи, Боже мой! Ты же седой весь... – заплакала Екатерина Григорьевна.

Гаврилов попробовал разжать судорожно сжатые пальцы подростка. Ничего не получалось!

– Отдай трубу!

– Мама... – шептал Петька. – Димка... Мама... Дядя Петя... Тетя Катя...

– Воспитанник Крыга!!! – заорал диким голосом Гаврилов.

Петька вздрогнул. Его глаза стали приобретать осмысленное выражение.

– Трубу! – протянув руку скомандовал Гаврилов.

Петька отдал майору свою трубу. Гаврилов взял ее и тут же протянул ее назад.

– Играй!

– Что играть?

– Что хочешь! Играть!

Петька поднес трубу к губам.

Над крепостью зазвенела увертюра из оперы «Кармен».

Даша Эдельханов лежа возле своего пулемета прислушался.

Где-то далеко чуть слышно звучала труба.

Эдельханов уловил что-то знакомое и запел чеченскую свадебную песню.

Волошенюк послушал, поднял большой палец.

– Во!

Эдельханов пел.

Волошенюк стал подыгрывать ему на гармошке.

В соседнем здании, тоже у окна, его песню услышал грузноватый Петренко. И сам зло запел густым шалыпинским басом:

Ніч яка місячна,

Зоряна, ясна,

Выдно хочь голкі збырай,

Выйды кохана, працею зморена,

Хочь на хвылыноньку в гай...

Пограничники Кижеватова, которые из-за отсутствия подвалов в казармах зарывались в землю на своих позициях, прислушались.

Где-то далеко играла труба.

От Холмских ворот долетала песня.

И тогда неожиданно для всех один из пограничников запел грузинскую песню. Пел, не прекращая рыть свой индивидуальный окоп.

Из подвалов домов комсостава тоже слышалась песня.

Кто-то запел и в Восточном форте.

– Ну, как там наши русские товарищи? – спросил Шлиппер у своего начальника штаба.

– Поют.

– Что? – не понял Шлиппер.

– Играют и поют. – подтвердил начштаба.

– Пленение происходит?

– Эпизодически. Массовой сдачи в плен не наблюдается.

Шлиппер помолчал, а потом тихо приказал:

– Вызывайте авиацию.

Летчик шел на своем истребителе на предельной высоте.

– Паша! Паша! – отчаянно закричали наушники шлемофона.

– Слушаю.

– Уходи!

– Что значит уходи?

– На аэродроме танки!

– Какие танки?

– Уходи!

– Да у меня бензин на нуле!

– Уход... – раздался взрыв и все утихло.

Лейтенант сделал круг над аэродромом.

Немецкие танки утюжили взлетное поле.

Самолеты со звездами как игрушечные модели крошились под их гусеницами.

Горела стеклянная башня пункта управления полетами.

Летчик завалил истребитель на левое крыло и пошел в сторону Запада.

С Запада на Брест, закрывая полнеба, шли тяжелые бомбардировщики.

Лейтенант попер им навстречу.

Два немецких истребителя сопровождения, заметив самолет лейтенанта, пошли на перехват.

Очередь из бортовых пулеметов прошила самолет лейтенанта.

Мотор стал давать сбой.

– Бензин кончился!!! – с каким-то гибельным восторгом неизвестно кому закричал лейтенант. – Летим на самолюбии!!! Прррашу посадку!!!

И лейтенант посадил свой истребитель на могучую спину одного из бомбардировщиков.

Самолеты, обнявшись, закувыркались вниз к земле.
Лейтенант успел выскочить с парашютом.

Он садился в море огня, дыма и кровавой пыли.

От взрывов полутонных бомб сотрясались стены подземных казематов.
Гаврилов сидел возле стены на снарядном ящике, прижимая к себе рыдающего Петьку Крыгу.

– Ну что, парень, с этим придется жить... Ничего не поделаешь. Война.
С этим придется жить, тезка.

– Дайте... Мне... винтовку.

– И что ты с ней будешь делать? Слышишь, как долбают? От чистого сердца. И до ночи будут долбать.

И в подтверждение слов где-то совсем уж близко ахнула бомба.

– Дайте... мне... винтовку...

– Не дам я тебе винтовки! А вот задание получишь. До вечера они будут бомбить, а вечером под прикрытием дыма и пыли доставишь к Холмским воротам рацию. Кто-то там активно стреляет. Надо связь установить... Востриков!

– Слушаю, товарищ майор! – подбежал к Гаврилову связист.

– Объясните воспитаннику Крыге как обращаться с рацией.

– Есть!

– Там может специалиста нет, – сказал Гаврилов Петьке. – Так что будешь со мной связь держать.

– Хорошо... – вытер слезы Петька.

– Как отвечать нужно?

– Слушаюсь, товарищ майор!

– То-то.

– Пошли, Петя... – сказал Востриков.

Петька побрел вслед за Востриковым.

– Востриков!

– Слушаю, товарищ комполка!

– Окончится бомбежка, выползешь из форта, разденешь какого-нибудь убитого фрица, нарядишь в его мундир воспитанника. Чтобы все чинчинорем. Каска, ремень, ранец. Рацию в ранец... Глядишь, снайперы за своего примут... если что.

Из другого каземата вышла Катерина Григорьевна. Слушала.

– Только смотри, чтобы свои не шлепнули. Будешь подползать – подай голос. Идите.

Востриков и Петька ушли.

– Ты же его на верную смерть посылаешь.

Гаврилов разозлился:

– Будет сидеть здесь – умом тронется. Такое даже мне не под силу. Как лазарет?

– Петя, там полураздетые женщины. В чем спали, в том и выскочили из домов. Стесняются раненых. Даже плачут от стыда. Где им одежду хоть как-нибудь найти?

Гаврилов закусил губу, потом стал звать своих бойцов.

– Ильин! Амосов! Демидов! Толмачев! Бакриев! Волох! Бондарь! Диденко! Донцов!

К майору подходили рядовые бойцы – все крупного телосложения.

– Снимите свои гимнастерки, – приказал Гаврилов, – отдайте их Екатерине Григорьевне.

– А мы как? – спросил непосредственный и наивный Волох.

– Не продрогнешь, – съязвил Гаврилов. – июнь на дворе.

Немецкий бомбардировщик, дымя, прошелся над Холмскими воротами, перелетел Мухавец, на низкой высоте с завыванием пронесся над Пограничным островом и врезался в землю перед немецкими позициями. Поскольку боезапас не был израсходован, раздался взрыв страшной силы.

Летчик спускался на парашюте аккуратно на мост через Мухавец перед Холмскими воротами.

Могучий Петренко посчитал, что это летчик с бомбардировщика и с руки выпустил очередь из своего Дегтярева.

Пули сделали в шелке парашюта над головой летчика сито.

– Вы что, охренели?! – заорал из-под купола лейтенант. – Убьете же!

– Свий! – удивленно вымолвил Петренко. – Свий до своего по свое...

Лейтенант приземлился по центру моста.

Немцы, принявшие его за своего, бежали к нему на выручку.

Лейтенант освободился от строп и, отстреливаясь от «спасителей», побежал к Холмским воротам.

Молоденькая девушка делала перевязку младшему сержанту.

– Болит? – сквозь слезы спросила она.

– Ерунда. По касательной... До свадьбы заживет.

– Господи, Ленечка, как хорошо, что ты здесь...

– Не плачь...

– Как хорошо, что ты здесь.

И она уткнулась лицом в алую петлицу с двумя треугольничками.

Тяжелые бомбы продолжали впиваться в истерзанную землю. Крепость выбрасывала в небо кровавые фонтаны.

Возле раненых, прикрыв свою наготу красноармейскими гимнастерками, хлопотали женщины.

В немецком мундире, в каске с ранцем за спиной и с немецким автоматом, Петька Крыга пробирался через крепость к бойцам, которые держали оборону возле Холмских ворот.

По крепости шарил немецкий прожектор.

Когда его бледно-синий луч подбирался к мальчику Петька падал на землю и изображал убитого немца.

Возле Холмских ворот Петька вначале тихо, а потом и громко позвал.

– Товарищи... Товарищи...

– Кто? – настороженно крикнул в темноту Петренко.

– Я Петр Крыга. Воспитанник музвзвода 333-го полка.

– Откуда ты?

– С Восточного форта.

– Ползи!

– Я в немецкой форме. Не стреляйте.

– Ты один?

– Один.

– Ползи. – Петренко все-таки взял автомат наизготовку.

В агитмашине с воспаленными от бессонницы глазами за монтажным столом сидел Курт Вальдхайм и склеивал магнитные ленты.

Перед ним лежали сводки Главного командования Красной Армии за 22 июня 1941 года.

И сводка Совинформбюро.

Отдельные фразы в них были подчеркнуты красным карандашом.

Гаврилов и Фомин вышли на условленную частоту.

– Кто у аппарата? – спросил Гаврилов.

– Фомин.

– Здорово, Ефим Моисеевич! Гаврилов беспокоит. Как жизнь молодая?

– Лучше всех. А у тебя?

– Тоже не жалею. Слава Богу, с боеприпасами все в порядке. Хоть завались... Патронов как водки на пикнике в пуще возле Каменца. На Первомай. Помнишь? А гранат как волос в шевелюре начштаба дивизии. Не знаю куда девать.

Фомин опустил микрофон и шепотом сказал окружившим радиостанцию бойцам:

– Ни хрена у него нету. Я на том пикнике три раза за водкой бегал. А у начштаба дивизии – лысина как колено.

Фомин переключился на передачу и сказал в микрофон:

– Завидую. А у меня ни хрена нет. Ни патронов, ни гранат, ни пулеметов, ни винтовок. Гол как сокол! Чист как моя лысина. – Фомин провел рукой по своей густой черной чуприне.

– Так может одолжить? – спросил Гаврилов.

– Буду признателен.

Немецкие радисты записывали разговор Гаврилова и Фомина на пленку.

– Я тебе пятерых орлов пришлю. – передавал Фомин. – Не обидь уж.

– Свои люди – сочтемся.

На командный пункт к Шлипперу ворвался начштаба.

– Радиоперехват, – положил он на стол бумагу. – Радисты запеленговали. Радиообмен осуществлялся из Восточного форта и от группы, которая держит оборону возле Холмских ворот. Как видно из переговоров у них проблема с оружием и боеприпасами.

Шлиппер прочел перевод перехвата.

– Атаки на Восточный форт пока не осуществлять. Пускай со своим оружием подышают от жажды и голода. А Холмские ворота с наступлением рассвета – атаковать. Передайте приказ удерживающим церковь. При начале атаки на Холмские ворота, атаковать противника с тыла.

Пять бойцов Фомина ползли грузеные до нельзя боеприпасами за Петей Крыгой.

Замыкал группу коренастый Петренко.

Группа проползала мимо разбитого, но не сгоревшего магазина «Военторг».

При вспышке осветительных ракет Петька заметил, что одна стена у магазина разрушена и обнажился целый ряд модных женских платьев, висевших на вешалках.

Петька что-то прошептал ползшему за ним бойцу, и тот сделал знак.

Группа замерла, Петька стремительно подполз к магазину, стал срывать с вешалок платья и скручивать их в клубок.

Через несколько минут группа продолжила движение.

– Ну, хлопцы, готовимся... Если они на эту удочку клюнут – завтра будет «о море в Гаграх». – сказал своим бойцам Фомин и запел голосом блатного одессита:

– О море в Гагра-ах,
А берег в пальма-ах,

Кто побывал, тот не забудет никогда-а...

Бойцы вытаскивали из подвалов оружие и боеприпасы и раскладывали его возле окон.

Группа уже входила в форт со стороны крепости, когда немцы обнаружили ее и открыли ураганный огонь.

Пять бойцов успели вскочить в здание за Петькой, а Петренко замешкался.

Несколько разрывных пуль попало в вещмешок за плечами Петренко.

Гранаты сдетонировали.

Страшный взрыв растворил могучего Петренко в воздухе.

В каземате женщины переодевались из гимнастеров в принесенные Петькой платья.

Медсестричке Татьяне досталось подвенечное.

Петька шел вдоль каземата.

Старшина Волошенюк сидел, прислонившись к стене спиной. С левой стороны у него стояла винтовка, с правой – лежала гармошка.

Старшина весь был в пыли и копоти. Левый глаз был подбит в атаке.

Петька и не узнал бы его, но Волошенюк улыбнулся и спросил:

– Ну што васпітанік Крыга, як там наша уверцюра з “Кармэн”?

– Иван Игнатович, это вы?

– А то хто ж... Трубу не згубіў?

– Да что вы?

– А то ж начштаба далажыць трэба будзе, калі ўся гэта бадзяга скончыцца.

– Маму убило, Иван Игнатович... И Димку... И дядю Володю... и...

Петька заплакал.

Волошенюк вздохнул, развел руками.

– Ну што ж... Дзела такое... Вайна... Дзела такое.

– Я пойду...

– Ага...

Петька отошел, потом быстро вернулся, достал из ранца банку немецкой тушенки и немецкую фляжку.

– Вот, Иван Игнатович... Тут водка... Ничего, что с мертвого немца?

– Дык водка ж без нацыянальнасці, Пецька. Давай памарадзёрствуем... І табе грамульку не грэх выпіць...

С рассветом немцы возобновили атаки на Холмские ворота и на позиции пограничников Кижеватова.

Через мост пошли танки, которые бойцы Фомина подрывали связками гранат, благо на Холмских воротах их было в достатке.

Все атаки были отбиты.

Опять наступило затишье.

Прошло несколько дней.

Шлиппер стоял возле схемы Брестской цитадели и тупо смотрел на нее.

– Если и дальше так будет, – сказал он своему начштаба, – то... – не договорил. – Почему на них не действует информация о реальном положении дел на фронтах.

– Не знаю, мой генерал. Агитмашины работают практически круглосуточно.

– Да-а, – задумчиво сказал Шлиппер. – Европа закончилась перед Брестом. – и резко приказал: – Еще раз объявить ультиматум. Если не сдадутся, сбросить сверхтяжелые бомбы на Холмские ворота, на Восточный форт и на заставу на острове Пограничном.

– Слушаю, мой генерал.

С утра из репродукторов опять зазвучала опостылевшая «Катюша», а после нее, совсем неожиданно над крепостью загремел торжественный голос Левитана:

– Говорит Москва!

Сводка Главного командования Красной Армии за 22 июня 1941 года.

С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря.

Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населенных пунктов.

В течение 24-го июня противник продолжал развивать наступление на Шауляйском, Каунасском, Гроденско-Волковысском, Кобринском, Владимир-Волынском и Бродском направлениях.

За 22-е, 23-е и 24-е июня советская авиация потеряла 374 самолета, подбитых, главным образом, на аэродромах.

Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь.

25 июня подвижные части противника развивали наступление на Вильненском и Барановическом направлениях.

Вальдхайм выключил смонтированную из одного негатива магнитную запись и включил свой микрофон:

– Товарищи красноармейцы! Советское правительство бросило вас на произвол судьбы. В своих сводках оно не дает реальной и объективной информации. А реальность такова: 23 июня нашими войсками взяты Гродно и Кобрин, 26 июня взято Молодечно, 28 июня пала столица БССР Минск. Наши войска подходят к Витебску, Орше, Могилеву и Гомелю. Клянусь памятью своей матери – это не пропаганда. Все что я сказал – объективная реальность и чистая правда. Помощь не придет! От имени немецкого командования, от имени ваших родных и близких прошу вас: прекратите бессмысленное сопротивление, не проливайте свою кровь и кровь немецких солдат. У них ведь тоже есть матери, жены, дети... Немецкое командование вынуждено выдвинуть ультиматум:

Если в течение ближайших полутора часов вы не поднимите белый флаг и не сложите оружие на Цитадель, будут сброшены сверхмощные бомбы, которые похоронят всех вас под обломками... Не вынуждайте немецкое командование идти на крайние меры. Будьте благоразумны... Пожалейте ваших детей! Пожалейте ваших детей!

Вальдхайм включил пленку.

Из репродукторов на крепость обрушился плач младенца.

Он не прекращался все время, отпущенное на выполнение ультиматума.

28 июня 1941 г. Утро. Восточный форт.

Выслушав минут десять надрывной плач младенца из мегафонов немецких агитмашин, Гаврилов вызвал по рации Фомина:

– Что будем делать, Ефим Моисеевич?

– Решай сам.

– Решил. Женщин, детей, раненых под белым флагом отправить в плен. Самим продолжать сопротивление и попытаться вырваться из крепости в леса. Помощь не придет. Продуктов нет. Медикаментов нет. Воды нет. Дети уже умирают от жажды. В плен!

– Правильно решил. Ну а мы, с твоего позволения, еще чуток посидим. Ну, хотя бы до дня рождения твоей жены. А уж там решим, что делать.

– Правильно! – обрадовался Гаврилов. – Столько дней и не рыпайтесь! И в бой не ввязывайтесь! – и радостно сказал Касаткину: – Сегодня на прорыв пойдут... У Кати сегодня день рождения! А я забыл, представляешь?

– Ну, до связи, Петро.

– До связи.

Гаврилов выключил радиостанцию, прошелся по комнате, взял сорванный карниз, достал из него длинную палку.

Потом снял с себя гимнастерку, снял белую нательную рубашку, разорвал ее впереди, прикрепил получившееся полотнище к палке карниза, одел на голое тело гимнастерку, перепоясался и стал спускаться в казематы.

На лестнице встретил жену.

– Петя, вода закончилась.

– Если ты еще раз выйдешь из форта, – глухо промолвил Гаврилов, – шлепнут как миленькую... Даже если совсем голая выйдешь. Так что не ходи, я ревную... – Гаврилов обнял жену, нежно поцеловал в губы и тихо прошептал: – С днем рождения, Катюша... Извини, что без цветов.

– Слушай приказ, – тяжело сказал Гаврилов, стоя в каземате перед женщинами, детьми и ранеными. – Помощь не придет. Наши части отошли на Восток. Воды – нет, продуктов – нет. Уже стали умирать дети. Оставить вас дольше в крепости – это обречь всех на верную смерть от жажды и голода. В связи с этим приказываю: женщины, дети и раненые красноармейцы через полчаса должны быть у выхода из форта. Организованной колонной начать движение в сторону Северных ворот под белым флагом.

Гаврилов стукнул древком самодельного флага по каменному полу:

– Колонну возглавит и понесет флаг воспитанник Крыга.

– Я не уйду из форта! – истерично закричал Петька, и его нервическая энергия передалась все остальным.

Женщина заплакали навзрыд.

Заплакали дети.

Надрывно плакал младенец из немецких репродукторов.

– Молча-а-ать!!! – взревел Гаврилов.

Все утихли. И женщины, и дети. Только изредка несмело всхлипывали.

– Воспитанник Крыга, ко мне!

Петька подбежал, вскинул руку к пилотке со звездой.

– Товарищ майор, воспитанник Крыга по вашему приказанию...

– Это приказ, воспитанник Крыга! А невыполнение приказа командира в военное время карается смертной казнью! Прикажу расстрелять у всех на глазах! – почти закричал майор, а потом вдруг спокойно и тихо попросил: – Повтори приказ!

– Возглавить колонну и нести белый флаг.

– Держи. – Гаврилов подал ему древко с флагом и, улыбнувшись, сказал: – Иди, Петька...

– Есть!

– На прощание отвожу ровно двадцать минут. Ни минуты больше. Прощайтесь.

Семьи стали прощаться со своими мужчинами.

Гаврилов остался наедине с женой.

– Я не пойду, Петя... – бледными губами прошептала Екатерина Григорьевна. – Я... не пойду-у...

– Тогда и другие не пойдут... – равнодушно сказал Гаврилов.

Екатерина Григорьевна тихо заплакала и уткнулась лицом в обожженную гимнастерку мужа.

Петька вышел из форта, высоко держа над собой флаг.

Нательная рубашка Гаврилова трепетала на ветру.

Сзади него стали выстраиваться женщины, дети.

Раненые, кто мог ходить и, у кого была хоть одна свободная рука, несли носилки со своими товарищами.

– Леня! Леня! Леня! – нервно целовала своего младшего сержанта молоденькая медсестричка в подвенечном платье.

– Я люблю тебя, Таня... – плакал младший сержант. – Я люблю тебя...

Гаврилов подошел.

– Разрешаю идти с ней...

– Да вы что, товарищ майор!!! – возмутился младший сержант.

– Тогда не распускай нюни! – зло сверкнул своими черными татарскими глазами Гаврилов и ласково сказал медсестре: – Идите, Танюша, идите...

Медсестра Таня заняла место за Петькой.

Колонна тронулась.

28 июня 1941 г. Вечер. Возле Холмских ворот крепости.

– Как дела, капитан? – спросил Фомин у Зубачева, лежащего за пулеметом.

– Хоть бы дождь пошел... – облизывая потрескавшиеся губы, сказал Зубачев.

– Не пойдет, – вздохнул Фомин. – У меня перед дождем всегда левое колено ноет.

– А сейчас не ноет?

– Чешется.

– Ну хоть что-то...

– Что будем делать, капитан?..

– Завтра они нас пойдут добивать... – сказал Зубачев. – И добьют. Бойцы уже от голода в обморок падают... Крепость, Ефим Моисеевич, строилась так, чтобы в нее трудно было войти... И никто не дал себе труда подумать, а как из нее выйти. Мы попали в западню, как говаривал Чехов.

– Так говоришь, завтра пойдут добивать?

– Пойдут. Обязательно и непременно.

– А чего тогда ждать... Давай и мы... Нахрапом. Под покровом ночной темноты... Сделаем подарок жене Гаврилова... Разделимся на две группы и... девочки налево, мальчики направо... Пускай, суки, выбирают за кем гнаться... Передай приказ: все что осталось – разделить и до темноты съесть. Вырвемся – найдем чего пожрать, не вырвемся – умрем не натошак. В любом случае выиграем.

Шлиппер со своим штабом в Брест-Литовске рассматривал в бинокль дымящуюся крепость.

– Они сдаются, мой генерал... – облегченно вздохнул командир 133-го пехотного полка – полковник с перебинтованной головой.

Шлиппер ничего не сказал.

Колонна, возглавляемая Петькой, вышла к Бресту через Северные ворота.

Петька судорожно сжимал в левой руке белый флаг.

Женщины плакали.

Вдоль дороги стояли немецкие солдаты. Самодовольные и веселые.

Военный кинооператор настроил свою камеру и стал снимать сдающихся в плен.

Петька Крыга поравнялся с ним и, не выпуская из левой руки флага, правой показал в объектив камеры большой кукиш. Такой большой, насколько позволила юношеская ладонь.

Кадры были испорчены донельзя.

Кинооператор выругался.

Один из солдат подошел к Петьке и ударил его прикладом по голове.

Петька вместе с белым флагом покатился в кювет. Ударился головой о камень и потерял сознание.

Страшно заголосила одна из женщин.

К Шлипперу подбежал начальник штаба:

– Мой генерал! Большая группа русских пошла на прорыв возле Холмских ворот!!!

– Бросайте бомбы! – сказал начальнику штаба Шлиппер.

Три страшных взрыва потрясли весь Брестский район.

Столбы кровавой пыли до вечера оседали на землю.

28 июня 1941 г. Вечер. Восточный форт.

– Гаврилов вызывает Фомина! Гаврилов вызывает Фомина! – устало шептал в микрофон Гаврилов.

– Все, товарищ майор, – сказал ему младший лейтенант, которого Гаврилов когда-то застал целующимся с медсестрой из госпиталя.

– Что значит все?

– Батареи сдохли.

– Что, совсем?

– Совсем.

– Достань.

Младший лейтенант снял панель и вынул две массивные батареи.

– В детстве лучше фонарика подарка не было. Когда, как ты говоришь, батарейка сдыхала – на теплую печь их... Погреются и ничего... Погреются и... еще вечером светить можно.

Гаврилов протянул одну из батарей младшему лейтенанту:

– Засунь к телу под гимнастерку...

Младший лейтенант послушно засунул батарейку под гимнастерку и прижал ее к сердцу.

– Лучше к животу, – заправляя свою батарейку, сказал Гаврилов. – Чем ниже, тем теплее...

Младший лейтенант переместил под гимнастеркой батарейку.

– Давай поспим. – предложил младшему лейтенанту Гаврилов.

Когда на крепость опустилась темнота, вся группа Фомина и Зубачева пошла на прорыв. Вернее поползла на прорыв.

– Ползем до тех пор, пока не обнаружат... – шепотом сказал Фомин Зубачеву.

Ползли, ползли, ползли...

Когда их заметили и открыли огонь, Фомин и Зубачев встали в полный рост:

– Впере-е-ед!!!

И была жестокая рукопашная.

Гаврилов лежал с открытыми глазами.

Младший лейтенант проснулся.

– Я вспотел, – ощупал он батарею на животе. – Это ничего?

– Ничего.

– Знаете, кого я во сне сейчас видел?

– Знаю. Медсестричку. В белом халатике.

– Как вы угадали?

– Ее как зовут?

– Эра.

– Еврейка что ли?

– Нет. Вообще-то ее зовут Дитнэра... Родилась 30 декабря 22-го года. Когда образовали Советский Союз. Родители и решили ее назвать – дитя новой эры. Сокращено Дитнэра.

– Понятно. Она ласковая девчонка. Найди ее после войны. Тебе с ней будет хорошо.

– Найду.

Петька очнулся среди ночи от треска мотоцикла.

Вспарывая темноту фарой по дороге, ехал немецкий мотоциклист. Один.

Он остановился возле того места, где лежал Петька и пошел в кювет справлять нужду.

Снял ремень, брюки, присел.

Петькина рука сжала камень.

Он оглушил солдата этим камнем и потом продолжал бить его по голове до тех, пока она не превратилась в кровавое месиво.

Кровь после каждого удара брызгала подростку в лицо и на разорванную нательную рубашку Гаврилова, которая служила белым флагом при сдаче в плен женщин, детей и раненых.

Часть группы Фомина была прижата к Мухавцу и расстреляна в упор.

Бойцов, которые пытались спастись вплавь, расстреливали из автоматов в воде.

Последнему всадили пулю в спину, когда он уже достиг противоположного берега и выбирался на сушу.

Красноармеец упал спиной в воду.

Тихий Мухавец принял бойца в свои объятия.

Из крепости, от Холмских ворот послышалась яростная стрельба и глухое «ура».

– Слышите? Слышите, товарищ майор? Стреляют.

– Как ты нес ее? – рассматривая отверстие от пули в корпусе рации, кричал на лейтенанта Басте Фомин.

– На плечах! Эта пуля и в меня могла попасть.

Фомин вздохнул:

– Ты знаешь, лучше бы в тебя. Извини.

– Что мне по этому поводу застрелиться – закричал комвзвода.

– Я же сказал – извини! – закричал Фомин.

Помолчали.

– Ну посмотри, – виновато попросил Фомин. – Может что-нибудь можно сделать?

Басте снял панель, достал разбитую пулей радиолампу.

– Ничего не сделаешь. В сердце!

– Товарищ полковой комиссар! – закричал один из бойцов. – Немцы!!!

29 июня. Утро. Берег Мухавца.

Немцы ходили вдоль берега и аккуратно добивали раненых.

Один из бойцов притворился мертвым.

Над ним склонился круглолицый с приятной улыбочкой толстячок-ефрейтор.

– Встать, встать, – ласково приказал он красноармейцу.

Боец поднялся.

Ефрейтор знаками приказал ему снять ремень и каску, потом тоже знаками приказал снять звездочку с пилотки, сам бросил ее в каску, и, опять-таки ласково улыбаясь, приказал, указывая на трупы солдат, на пилотку, на петлицы, себе грудь, где у него был какой-то значок:

– Это, это, это... брать сюда... Шнель!

Боец покорно взял каску, в которой пока лежала только одна его звездочка, и покорно пошел к телам погибших.

Он становился на колени перед мертвыми товарищами, срывал с их пилоток звездочки, с петлиц кубики и треугольники, шептал и плакал:

– Братцы, простите... Простите, братцы...

– Шнель! Шнель!

Дно его каски постепенно покрывали красные звездочки с серпом и молотом, рубиновые кубики и треугольники.

Возле самого берега лежал вниз лицом незнакомый старшина.

Боец перевернул его. На левой груди убитого матово сверкнул орден Красной звезды, который старшина получил за Финскую компанию.

– Простите, братцы, – плакал боец, отвинчивая боевой орден.

Правая рука старшины судорожно сжимала гранату-«лимонку». Старшина не успел ее бросить.

Боец, плача нес каску со звездочками, значками и орденом к улыбчивому ефрейтору.

Тот самодовольно протянул руку.

Из руки плачущего бойца, в каску соскользнула граната.

Ефрейтор так и умер с улыбкой на лице.

Его товарищу, стоявшему поодаль, повезло меньше.

Орден старшины, ставший от взрыва осколком, угодил ему в шею и вскрыл аорту.

Немецкий солдат упал на тело только что пристреленного им же раненого красноармейца и корчился в предсмертных судорогах.

Кровь солдат смешалась.

– Товарищ майор, а ведь я комсорг. 27 июня на партактиве должен был бы быть... По вашему вопросу. А за что вас, товарищ майор?

– За недостаточный уровень атеизма.

– Не понял.

– Сказал, что с дьяволом договор заключать нельзя.

– Так и нельзя, – поддержал майора младший лейтенант.

– Как тебе не стыдно, лейтенант! – иронично сказал Гаврилов. – Комсомолец поди?

– Кандидат.

– Так вот, товарищ кандидат в члены ВКП(Б), вы должны знать, что дьявола-то не существует.

– Не существует. – согласился младший лейтенант.

– Ну и все.

– И все.

30 июня 1941 г. Берег Мухавца.

Окоп Кижеватова накрыло сверхмощной бомбой только частично.

Лейтенант выкарабкался из-под земли.

Из его ушей текла кровь, он ничего не слышал. Барабанные перепонки лопнули.

Он ничего и не видел.

Он очень хотел пить.

Пить!

Пить!

Пить!

Кижеватов только по ощущению, по свежести, которая исходила от Буга, пошел к берегу.

Винтовку Мосина с примкнутым штыком и с пустой обоймой лейтенант тащил за собой.

Штык чертил извилистую линию по земле.

Кижеватов, шатаясь, брел к Бугу.

Контуженного Фомина привели в чувство и поставили в шеренгу вместе с оставшимися 10-ю бойцами, оборонявшими Холмские ворота и вырвавшимися с ним из крепости.

Петлицы полкового комиссара выгорели в прямом смысле.

Правая была снесена разрывной пулей. Левая просто сгорела.

Рядом с полковым комиссаром стоял истекающий кровью лейтенант Басте.

С другой стороны рыжеволосый круглолицый приписник из Бреста.

Командир батальона 135-го пехотного полка гауптман Грейвиц вышагивал перед измученными красноармейцами и монотонно объявлял:

– Коммунистен, комиссарен, комсомольц, политрук, пограничник, юде
– шаг вперед!

Гауптман сделал паузу и уже хотел отдать приказ на движение дальше, как вдруг рыжеволосый, стоящий возле Фомина, выпалил:

– Пан офицер! Он комиссар... Он!

И указал на Фомина.

Грейвиц подошел к Фомину, пристально посмотрел в его черные глаза, спросил:

– Юде?

– Полковой комиссар Фомин. – представился Фомин.

Гауптман кивнул головой, солдаты выдернули Фомина из шеренги и поставили над обрывом перед Мухавцом.

Грейвиц опять прошелся перед военнопленными:

– Коммунистен, комиссарен, комсомолец, политрук, пограничник, юде – шаг вперед!

Фомин стоял на Мухавцом.

Грейвиц шел вдоль шеренги измученных красноармейцев и каждому заглядывал в глаза.

Перед рыжеволосым круглолицым приписником гауптман остановился, пристально посмотрел ему в глаза.

Рыжеволосый оскалился в улыбке.

– Юде? – ткнул ему пальцем в грудь гауптман.

Рыжеволосый даже рассмеялся, приняв все за шутку.

– Юде. – утвердительно сказал Грейвиц и сделал знак своим солдатам.

Рыжеволосого выдернули из шеренги, и повели к обрыву.

– Да вы что?! – заорал он. – Русский я... Русский! Пан офицер! Пан офицер!

Рыжеволосый упал на колени и заплакал:

– Братцы, ну скажите ж вы ему...

– Встань, – тихо сказал Фомин.

Он помог подняться рыжеволосому.

– Товарищ комиссар... Товарищ комиссар...

– Успокойся... – Фомин прижал рыжеволосого к себе.

Гауптман махнул рукой.

Загрохотали автоматы.

Фомин и рыжеволосый, обнявшись, полетели с обрыва в Мухавец.

– Вперед! – скомандовал пленным гауптман.

Немецкие пехотинцы, которые после сверхмощной бомбы уже были полными хозяевами острова Пограничный, заметили Кижеватова.

Лейтенант брел к Бугу и тащил за собой трехлинейку.

Один из солдат передернул затвор автомата.

– Не позорься! – цыкнул на него ефрейтор.
Пехотинец опустил автомат.

Кижеватов подошел к берегу, выронил винтовку и упал лицом в воду.
Так и не напился воды.
Так и умер от жестокой жажды.

– Опять сон видел, – открыл глаза младший лейтенант.
– Рассказывай, – сказал Гаврилов. – Опять Элочку снил?
– Нет. Представляете: я как будто первоклашка, а мой первый учитель этот воспитанник музвзода. Как его?

– Петька. Петька Крыга.

– Ну. Представляете, сижу на уроке и боюсь, что он мне двойку влепит.
Спрашивает: куда впадает Волга. Я, конечно, говорю в Каспийское море, а он нет, в Черное... Ну, думаю, совсем наставник чеканулся. Я говорю в Каспийское, а он в Черное... И стакан воды мне на парту ставит. Вода из Черного моря... Я выпил... Вку-усная... Я и говорю...

– Лейтенант, мы же договорились про жратву и воду – ни слова.

По коридору каземата послышались шаги.

– Тихо! – шепотом прервал младшего лейтенанта Гаврилов и схватил свой автомат.

В проеме появился Петька.

– Я свою трубу забыл, – сказал он Гаврилову.

1 июля 1941 года.

Представитель Генштаба сухопутных войск генерал-лейтенант Бранд, командир 45-ой дивизии генерал-майор Шлиппер и еще несколько немецких офицеров осматривали дымящиеся руины Брестской крепости.

– В своих донесениях, генерал, вы трижды называли дату окончательного взятия Брестской цитадели. 24, 27 и 29 июня. А какая же все-таки соответствует действительности.

– Тридцатое июня. – нахмурившись, ответил Шлиппер.

– То есть вчера?

– Да, господин генерал-лейтенант. Русские отчаянно сопротивлялись. К тому же у защитников цитадели имелись танки и артиллерия.

– А у вас их не было?

– Цитадель защищали отборные части НКВД, снайперы.

– А у вас их не было?

– Простите, господин генерал-лейтенанта, но здесь в нас стреляли даже женщины и дети! Вы можете себе представить немку, которая легла бы за пулемет вместо убитого мужа и стреляла! Стреляла до тех пор, пока ее саму не убили. Притом ее малолетние дети тоже находились рядом с пулеметом. Когда их выносили из капонира, один из мальчиков укусил солдата за руку.

По каземату полз боец. Ноги у него были перебиты пулеметной очередью.

Красноармеец полз с закрытыми глазами и тащил за ремень свою трехлинейку с последним патроном в обойме. Он уже ничего не чувствовал. И ничего не боялся.

– Воспитанник Крыга! Почему вами не выполнен мой приказ?

– Товарищ майор! Разрешите обратиться к товарищу младшему лейтенанту.

– Обращайтесь.

– Товарищ младший лейтенант, в вашем присутствии майором Гавриловым мне был отдан приказ – возглавить колонну и нести белый флаг.

– Так точно. – подтвердил младший лейтенант.

– Разрешите доложить, товарищ майор. Ваше приказание выполнено! – и опять обратился к младшему лейтенанту. – Товарищ младший лейтенант отдавал ли майор Гаврилов мне приказ не возвращаться из плена?

Младший лейтенант встал.

– Виноват, товарищ майор, такого приказа вы не отдавали.

– Не отдавал? Ну, значит, я не прав...

Гаврилов посмотрел свирепо вначале на младшего лейтенанта, а потом на Петьку и спросил:

– Принес чего-нибудь? Нам с лейтенантом жрать хочется.

– Конечно, товарищ майор. – Петька стал снимать с себя вещмешок.

– Как там, в плену? – тревожно спросил младший лейтенант.

– В плену как плену, – ответил Петька.

Гитлеровцы ходили по казематам с овчарками.

– Я – крепость... Я – крепость... – торжественно говорил в микрофон Петька. – Ведем бои в окружении. Располагаем большим запасом продовольствия, медикаментов и боеприпасов. Перехожу на прием...

На ящике из-под снаряда Гаврилов и младший лейтенант доедали принесенную Петькой банку тушенки, отщипывая по кусочку от буханки черного хлеба.

Невдалеке от клуба гоготала толпа солдат.

Один из унтер-офицеров переоблачался из своей формы в парадную форму начштаба, которую притащили из полусгоревшего дома комсостава.

Галифе уже было одето, немецкий солдат натягивал на себя шерстяную гимнастерку, на которой поблескивали два ордена Боевого Красного знамени и медаль «XX лет РККА».

Унтер кривлялся как мог, солдаты ржали.

Возле них суетился с фотоаппаратом Курт Вальдхайм.

– Что это за маскарад? – строго спросил у Шлиппера Бранд.

– Отдел пропаганды производит съемку пленения красного командира.

Бранд в сопровождении офицеров молча вошел в бывшую церковь.

Красноармеец подполз к узенькому пролому в стене каземата.

Солнечный свет ударил ему по глазам.

Красноармеец закрыл их.

В клубе генерал-лейтенант Бранд отчитывал Шлиппера:

– Генерал, если ваша дивизия будет и дальше так воевать, вряд ли я буду иметь удовольствие поздравить вас с чином генерал-лейтенанта. С чином полковника я вас в любом случае поздравлять не стану.

– Цитадель не следовало штурмовать. – устало сказал Шлиппер.

– Значит, приказ фюрера был ошибкой?

– Господин генерал-лейтенанта, русские отличаются от французов...

Немецкий унтер в полной парадной форме начштаба продолжал кривляться перед фотоаппаратом Курта Вальдхайма.

И докривлялся!

Красноармеец выстрелил свой последний патрон.

Выстрелил наугад, потому что уже ничего не видел. После долгого нахождения в темноте казематов ослеп от солнечного света.

И попал!

Пуля цокнула в орден Боевого Красного знамени, но награда, которую получил нашштаба за Халхин-Гол, не спасла немца. Пули из трехлинейки даже броню пробивают.

Унтер, хватая ртом воздух, и прижимая руку к чужой награде, стал падать навзничь.

Все остальные бросились врассыпную и открыли бешеный огонь по пролому в стене.

– Что это? – услышав стрельбу, спросил Бранд у Шлиппера.

– Наверное, подавляются отдельные очаги сопротивления, – тяжело вздохнул Шлиппер.

Бранд прислушался к стрельбе.

– Так, когда все-таки была взята цитадель? – едко спросил он у Шлиппера.

– Тридцатого июня. – сверкнул глазами Шлиппер.

– Штандартенфюрер, – обратился Бранд к одному из офицеров СС, – Скажите мне, пожалуйста, какое сегодня число?

– 1 июля, мой генерал. – ответил эсэсовец.

– Так вот, штандартенфюрер, с 1-го июля Брестская крепость передается вашим подразделениям.

– Слушаюсь, мой генерал!

– 45-ая дивизия свою задачу выполнила, и ее ждут под Смоленском.

Все свободны.

Офицеры щелкнули каблуками и направились к выходу.

– Штандартенфюрер! – окликнул эсэсовца Бранд.

– Слушаю, мой генерал... – вытянулся перед Брандом эсэсовец.

– Должен сообщить вам конфиденциальную информацию. В Брестскую цитадель планируется приезд фюрера. Дата приезда пока уточняется.

– Мой генерал, хотя бы примерно?

– Не раньше, чем через месяц. За этот месяц, штандартенфюрер, вы должны сделать все, чтобы цитадель стала безопасней приемной фюрера в Берлине! Очистить все подземелье крепости! Все казематы! Труднодоступные места залить бензином и поджечь! Чтоб даже крыс не осталось!

С купола, со стен и колон на чужеземцев смотрели лики Святых Православной церкви.

Над тихим Бугом и Мухавцом кружил аист.

3 июля 1941 года. Казематы крепости.

– Я – крепость... Я – крепость... – Ведем бои в окружении... Перехожу на прием.

Петька щелкнул переключателем, стал крутить ручку поиска.

И вдруг:

– Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!

– Товарищ майор!!! – заорал Петька, сорвал наушники с головы и протянул их Гаврилову. – Сталин!!!

Майор прижал наушники к уху.

– Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня – продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы.

Охранные подразделения СС осуществляли «зачистку» Брестской крепости.

Уносили трупы красноармейцев, немецких солдат, женщин, детей.

Дымили танки и броневики. Над тихим Бугом кружил аист.

Гаврилов слушал, Сталин говорил по радио:

Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

– Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко.....

Согретые теплом Гаврилова и младшего лейтенанта Ленки батареи садились на глаза.

Голос Сталина в наушниках слабел, уходил куда-то в пространство и постепенно затих...

– Все! – сказал Гаврилов Петьке. – Теперь она сдохла окончательно... Лейтенант, разбей рацию...

Младший лейтенант вначале искорежил наушники, а потом прикладом расколотил рацию.

Гаврилов достал из кармана гимнастерки химический карандаш и подал его Петьке:

– Пиши приказ.

– На чем?

– Лейтенант, бумага имеется?

Младший лейтенант смущенно достал из кармана гимнастерки вчетверо сложенный лист.

– Только тут... на одной стороне я письмо писал.

– Кому?

– Ну-у... Вы же знаете.

Гаврилов передал карандаш младшему лейтенанту:

– Любовные шуры-муры старательно зачеркнуть. На оставшемся месте пиши приказ...

Младший лейтенант стал слюнявить карандаш и зачеркивать свое послание в стихах.

– Пиши. Приказ руководителя обороны Восточного форта. В связи с осложнившейся обстановкой, отсутствием продовольствия, воды, боеприпасов и полной уверенностью в том, что помощь не придет, приказываю:

1. Всему личному составу покинуть форт и под покровом ночи прорываться на восток к своим. Движение осуществлять по лесным массивам в темное время суток. Получившим ранения в бою, разрешаю сдаваться в плен.

2. Защиту форта в дальнейшем возложить на командира 44-го стрелкового полка коммуниста майора Гаврилова. Руководитель обороны Восточного форта Брестской крепости майор Гаврилов П.М. Поставь число.

– А какое сегодня? – спросил у майора младший лейтенант.

– Воистину, влюбленные часов не наблюдают. – и с легкой укоризной подсказал: – Пиши. 1 июля...

– Сегодня 3-е, – поправил Гаврилова Петька.

– Воспитанник Крыга! Не пререкаться со старшим по званию! Пиши: 3 июля 1941 года.

Гаврилов забрал у лейтенанта карандаш, послюнявил его, размашисто расписался на приказе, а потом устно приказал:

– Все имеющиеся боеприпасы на ящик.

Выложили. Получилось две горсти патронов и 6 гранат.

Гаврилов разделил патроны на три кучки, две гранаты отдал младшему лейтенанту, две Петьке, две оставил себе.

– Выполнять приказ! Попробуйте прорваться. Ползите до тех пор, пока не обнаружат. Засекут – бросайте гранаты и в разные стороны.

– Товарищ майор...

– Все! Ушли! Долгие проводы – лишние слезы. Ушли, я сказал!

– Есть!

– Если вернетесь – застрелю. Ушли!

Петька и младший лейтенант направились к выходу.

– Петька! – позвал Гаврилов.

Петька подбежал.

Гаврилов протянул ему свой наган.

– Махнем не глядя. Там еще два патрона. Меняю на твою трубу. И ушел, быстро ушел!

Петька взял наган, отдал трубу и, шмыгнув носом, побежал догонять младшего лейтенанта.

Гаврилов остался один. Все нечеловеческое напряжение десяти дней войны должно было найти себе выход, вырваться наружу.

И оно вырвалось!

Гаврилов зарыдал. Он плакал долго, размазывая слезы по щекам, горькая дрожь кривила его лицо.

Вздрагивая от рыданий, он достал из кармана гимнастерки карточку, на которой они были сняты в Гаграх вместе с женой в августе 40-го и, глядя сквозь пелену слез на эту карточку, не переставая плакать, зашептал:

– Катя, прости... Прости, Катя... Прости, меня...

Ночью старшина Волошенюк подполз к Мухавцу и стал жадно пить воду из реки.

Неподалеку от него лежал лицом в воде мертвый Кижеватов.

Младший лейтенант Ленька и воспитанник муззвода Петька Крыга подползли к немецким палаткам и костру.

Дальше проползти было невозможно. Везде были солдаты.

– Светает... – прошептал Петька. – Что будем делать?

– Утром по любому обнаружат. Значит так, воспитанник Крыга... Гранату в костер и через раз, два, три, четыре, пять... со всех ног направо... Понял?

– Так точно.

– Действуй.

Петька привстал, выдернул чеку и швырнул гранату прямо в немецкий костер.

Взрыв. Крики. Паника.

– Дуй, Петька!!! – закричал младший лейтенант.

Петька опрометью бросился в темноту.

Младший лейтенант выдержал паузу, а потом швырнул и свою гранату во вход одной из палаток.

И попал!

Палатка огненно лопнула как воздушный шарик.

Младший лейтенант тоже скрылся во тьме.

15 июля 1941 года.

Ко всем казематам подгоняли цистерны с бензином и сливали его вовнутрь.

Потом машина отъезжала.

Один из эсэсовцев заряжал ракетницу и стрелял из нее в пролом.

Бурое пламя яростно вырывалось из под сводов каземата наружу.

Изнемогая от жажды, Гаврилов лежал на полу каземата.

И вдруг увидел ручеек воды, который катился прямо к нему.

Лицо у майора стало радостным.

Но ручеек, докатившийся до него, оказался не водой, а бензином.

Гаврилов со всех ног бросился бежать.

Ручеек гнался за ним.

Эсэсовец выстрелил из ракетницы.

Ручеек стал огненным зверем.

Старшина Волошенюк с фляжкой воды вполз через узкий пролом в каземат.

Возле стены, положив голову на гармонь-трехрядку, лежал младший сержант Даша Эдельханов и застывшими глазами смотрел на своды каземата.

– Зараз, зараз, Даша... Пап'еш... Споўзаў да Мухаўца... вады грамульку ўзяў... Пап'еш... На, пі...

Даша смотрел под своды.

– Пі, Даша, пі... Я на беразе напіўся... Аж у жываце пялёскаецца. Пі, Даша, пі...

Даша смотрел под своды. Волошенюк попробывал напоить товарища. Вода скатилась из уголков рта на гимнастерку.

– Ты што абамлеў? Ці памёр? Даша! Даша! Памёр Даша, – пожаловался кому-то Волошенюк. – Памёр...

И выпил из фляжки сам.

– Можа ў цябе патрон які застаўся? Ці граната? Га, Даша?

Волошенюк стал обыскивать мертвого товарища.

– Няма... І ў мяне няма... Пустая вінтоўка...

Волошенюк, как бы в оправдание, передернул затвор.

– Во, бачыш – пуста... Чым ваяваць? А, Даша? У штыковую – ногі не трымаюць... Пайду я здамся... Га, Даша? Ну чым я табе мёртваму памагу? Хіба што здохну за кампанію... Га, Даша?

Волошенюк достал из-под головы Эдельханова гармонь.

– Дай-ка гармоньку...

Взял гармонь, наиграл какую-то мелодию.

– Гэта ты казаў у вас на вяселлях граюць. Хорошая музыка... Вясёлая... Пайду я здамся... Га, Даша? Якую-небудзь фрыцаўскую песню сыграю, дык можа й накормяць перад смерцю...

Он взял несколько аккордов: «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...»

– Не абіжайся...

Эдельханов застывшими глазами смотрел в потолок.

– Не абіжайся, Даша...

Наигрывая «Августина», старшина Волошенюк пошел по каземату.

Гаврилов бежал в темноте к капониру за Северными воротами.

Следом за ним бежали немецкие солдаты.

– Хальт! Хальт!

Солдаты не стреляли, потому что шаг за шагом догоняли ослабшего майора.

– Хальт!

И вдруг с капонира загрохотал пулемет Дегтярева. Пули запели над головой Гаврилова.

Майор упал на землю, зло и радостно прошептал:

– Еще не хватало, бляха, чтобы ты меня убил... – и пополз дальше.

Немцы, бежавшие за Гавриловым, получили свою долю свинца и стали укрываться в руинах.

Пулеметчик полосовал их до тех пор, пока не кончились патроны.

Потом достал из одного кармана папироску, прикурил, с наслаждением затянулся, из другого кармана достал гранату, выдернул чеку и весело сказал:

– Жрите меня, суки!

Гаврилов вполз в капонир.

Сзади раздался взрыв и... крики.

Пулеметчик не докурил свою папироску.

Гаврилов заметил груды красно-бурого кирпича, который обрушился сверху после удара снаряда.

Майор стал зарываться в обломки Брестской крепости.

Когда эсэсовцы ворвались в капонир, там никого не было.

Только груды кирпича цвета запекшейся крови.

Два немецких автоматчика, патрулировавших вдоль стен крепости, остановились.

Из-под земли долетали звуки гармошки.

Один из автоматчиков передернул затвор.

Старшина Волошенюк показался в проломе. Заметил немцев и перестал играть «Августина».

И вдруг, тряхнув головой, врезал белорусскую польку-трясуху.

И, глядя воспаленными глазами на немецких солдат, пошел на них.

Автоматчики переглянулись.

– Хальт! – скомандовал один.

Но Волошенюк из-за звука собственной гармошки, не услышал приказа.

Шел на немцев и играл. Задорно, нервно, отчаянно, склонив левое ухо к басам гармошки.

Немец полоснул по музыканту длинной очередью.

Гармошка Волошенюка жалобно вскрикнула. От нее полетели в разные стороны щепки.

Волошенюк упал на колени, осторожно поставил расстрелянную гармошку перед собой, погрозил кому-то пальцем, потом лег, обнял гармошку... и умер.

Одинокий аист кружил над дымящейся крепостью.
Вся Беларусь уже пылала. От Бреста до Дубровно.

Пылала и вся крепость. Охранные подразделения СС выжигали все.
Огнеметами, бензином, соляжкой, газами.
Готовились к визиту фюрера.

Капониры не трогали. Там, как им казалось, никого не было.

Гаврилов встал как призрак из своей кирпичной могилы ночью. И пополз к каналу.

Долго и жадно пил воду.

Пополз назад.

Невдалеке от капонира между палатками горел костер.

Никого возле костра не было.

Гаврилов достал из кармана гранату, хотел выдернуть чеку, но передумал и тихонько вбросил гранату в костер.

И быстро пополз в свое убежище.

Костер горел.

Граната разогревалась.

Два солдата, на свою беду, вышедшие из своих палаток, полетели вверх тормашками в разные стороны от костра.

Гаврилов опять зарылся в кирпичи.

И погладил последнюю гранату.

И уснул.

23 июля 1941 года

Овчарка тянула своего хозяина в капонир.

Автоматчик как мог, успокаивал животное, но собака рвалась вовнутрь капонира.

Гаврилова разбудил лай овчарки. Собака рвалась с поводка к месту, где он лежал.

Гаврилов вырвал чеку из гранаты.

Немец спустил собаку с поводка.

Гаврилов швырнул гранату.

Овчарка накрыла его.

Разорвавшаяся «лимонка» изрубила осколками немца и его овчарку, вцепившуюся Гаврилову в горло.

Это и спасло майора. Все осколки от гранаты, предназначенные ему, приняла на себя немецкая овчарка.

Эсэсовцы сняли с тела контуженного майора, растерзанную осколками, овчарку.

Один из эсэсовцев достал из кармана гимнастерки его документы и передал лысоватому оберштурмфюреру в перчатках.

Ведро воды ударило в лицо.

Гаврилов пришел в себя и, первое, что сделал, стал жадно слизывать влагу с губ и со щетины.

– Встать! – приказал лысоватый оберштурмфюрер.

Гаврилов встал.

– Фамилия? Военское звание?

Переводчик перевел.

– Галкин. Лейтенант. – ответил майор.

Кулак в перчатке сшиб Гаврилова с ног.

– Встать!

Гаврилов встал.

– Фамилия? Звание?

– Чалкин. Старший лейтенант.

Удар! Гаврилов опять рухнул на пол.

– Встать!

Гаврилов встал.

– Фамилия? Звание?

– Залкинд. Капитан. Слышал? Галкин, Палкин, Малкин, Чалкин и Залкинд.

– Нет!!! – заорал оберштурмфюрер, но бить уже почему-то не стал. – Гаврилов! Майор!

– Ну во, – улыбнулся Гаврилов. – Сам же знаешь... А че хулиганишь тогда? Нос вон разбил...

Гаврилов понял, что последнее оружие, которое у него осталось – это юмор. Больше не осталось ничего.

– Вэ-эк! – аж посинел от злости эсэсовец. – Вэк!

Гаврилов вытолкали из здания и швырнули в колонну военнопленных, которых вели в лагерь.

5 августа 1941 года.

Тяжелые тягачи стягивали в крепость подбитые советские танки, изуродованные орудия, минометы.

Все это располагалось вдоль стены как экспонаты.

Заправлял всем седовласый штандартенфюрер.

Распоряжения давал командующий 4-ой армией генерал-фельдмаршал Фон Клюге.

Из дня на день в цитадель должен был прибыть Гитлер.

Фельдмаршал Фон Клюге в сопровождении штандартенфюрера брел по каземату, освещая себе дорогу фонариком.

Под сапогами звенели стреляные гильзы. Ими был усеян весь каземат.

Кое-где валялись пустые винтовки с примкнутыми штыками.

Немцы остановились и осветили фонариком одну из стен.

На стене, наверное, штыком было выцарапано:

Умираю, но не сдаюсь. Прощай Родина. 20.VII.1941 г.

Рукой в перчатке фон Клюге провел по цифрам, как бы желая убедиться в том, что они исчезнут.

Цифры остались.

К воротам концентрационного лагеря военнопленных в Бяла Подляске подкатил черный «мерседес».

Из машины выскочили два эсэсовца.

Охрана вытянулась в струнку.

– Коменданта! – приказал лысоватый оберштурмфюрер, тот, который избивал Гаврилова при пленении.

Через несколько секунд комендант лагеря со всех ног летел к машине.

Оберштурмфюрер что-то отрывисто сказал ему, и все трое пошли через толпу пленных.

– Гаврилёв! Гаврилёв! Гаврилёв! – направо и налево орал перепуганный комендант.

Гаврилов лежал возле колючки, укрывшись шинелью. Услышал свою фамилию. Сел.

– Гаврилёв!

– Ну вот и все. – равнодушно сказал он ни к кому не обращаясь. – Прощевайте, мужики...

Сидевший рядом с Гавриловым приписник, всхлипнул.

– Что такое, боец Дорохин? – строго спросил у него Гаврилов, а потом зло и жестко приказал: – Убрать соплю!!!

Дорохин испуганно стал размазывать слезы по грязным щекам.

– Гаврилёв!

– Ну я, я Гаврилов...

Офицеры быстро подошли.

– Встать! – приказал комендант.

Гаврилов стал подниматься.

– Шнель! – комендант пнул майора сапогом в плечи.

Гаврилов упал.

– Спокойно, оберлейтенант, – строго одернул коменданта оберштурмфюрер и, обращаясь к Гаврилову, довольно вежливо попросил: – Встаньте.

– Здорово. – узнал его Гаврилов. – Как жизнь молодая?

Он встал, хотел взять шинель.

– Не надо. – сказал эсэсовец. – За мной.

Обрештурмфюрер пошел в направлении ворот концлагеря.

Гаврилов шел за ним.

Сзади, как конвоиры, шли комендант и второй эсэсовец.

Пленные красноармейцы провожали Гаврилова взглядами.

Возле «мерседеса» эсэсовцы замешкались.

По правилам, пленного майора нужно было усадить на заднее сиденье, а самим сесть справа и слева от него.

Но Гаврилов не снимал своей гимнастерки с 21 июня, был оборван и грязен.

В итоге оберштурмфюрер открыл дверцу и приказал майору сесть на переднее сиденье.

«Мерседес» полетел в сторону Бреста.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге расхаживал по бывшей церкви, бывшему костелу и уже бывшему гарнизонному клубу, и рассматривал росписи на куполе и стенах.

«Мерседес» остановился у церкви-клуба.

Эсэсовцы выскочили из машины, младший открыл дверцу.

Гаврилов вышел.

Из клуба выбежал Курт Вальдхайм. В руках он держал командирский ремень со звездой на пряжке.

– Здравствуйте, – на чистейшем русском языке приветствовал он Гаврилова и протянул ремень. – Заправьтесь, пожалуйста...

Гаврилов не сразу, но все-таки взял ремень, посмотрел на пряжку, подпоясался, оправил и одернул гимнастерку.

Руки по привычке рефлексивно потянулись к воротничку гимнастерки, чтобы застегнуть верхние пуговицы.

И замерли.

Вместо того, чтобы застегнуть последнюю пуговицу, Гаврилов расстегнул еще одну. И опустил руки.

– Идемте. – сказал лейтенант.

Через минуту майор Гаврилов стоял перед фельдмаршалом фон Клюге.

– Ваше звание и должность? – спросил фон Клюге.

Вальдхайм перевел.

– Майор Гаврилов. Командир 44-го стрелкового полка. – устало ответил Гаврилов и делая акцент на букву «Р», добавил: – Рррабоче-Крррстьянской Крррасной Аррмии.

– Вы руководили обороной цитадели?

– Так точно.

– Я должен признать, что Брестская цитадель – героическое место. И буду приводить в пример своим солдатам ваше мужество.

– Спасибо. – сказал Гаврилов.

– Красный офицер благодарит вас, господин фельдмаршал, – радостно перевел Курт Вальдхайм.

– Германское командование не унизит ни себя, ни вас предложением о сотрудничестве. Хотя должен признать, лично я был бы рад видеть в рядах вермахта такого офицера как вы. Но, повторюсь, это никак не предложение. Я пригласи вас исключительно затем, чтобы выразить свое восхищение вашей доблестью и мужеством.

Лейтенант перевел.

– Спасибо, – еще раз сказал Гаврилов и пошатнулся.

– Красный офицер благодарит вас, господин фельдмаршал, – сказал Вальдхайм и от себя добавил. – Он голоден...

– Сейчас вас покормят. – сказал фон Клюге.

Лейтенант перевел.

– Спасибо. – и в третий раз сказал Гаврилов и добавил: – Лагерный рацион обилен, калориен и разнообразен. Я сыт.

Вальдхайм перевел.

– У вас есть какие-то пожелания? – спросил фон Клюге.

– Есть.

– Какие?

– Первое: я хочу, чтобы вы поскорее сдохли! – сказал Гаврилов. – Сдохли вместе с вашим фюрером! И второе: пошел на ...уй!

Курт Вальдхайм стал белым как полотно.

Фельдмаршал ждал перевода пожеланий.

Лейтенант нашелся.

– Простите, господин фельдмаршал, – виновато соврал он. – Красный офицер выражается на каком-то славянском наречии... Я не в состоянии перевести это.

Последняя фраза была правдой.

Фон Клюге конечно же не понял, что сказал Гаврилов, но интуиция подсказала ему общую суть фразы. К тому же он услышал слово «фюрер».

Фон Клюге смотрел на Гаврилова.

Гаврилов устало смотрел на фон Клюге.

Долго смотрели.

– Вы свободны. – сказал фон Клюге.

Вальдхайм перевел.

Гаврилов повернулся и пошел из клуба.

С купола, со стен и колонн вслед ему смотрели лики Святых.

– Я думаю, что это он сделал ту надпись. – сказал штандартенфюрер.

– Нет, штандартенфюрер. – возразил фон Клюге. – Это выцарапал какой-то романтик. Этот не стал бы тратить силы на бессмыслицу. Он бы берег их для того, чтобы убить еще одного нашего солдата. Передайте коменданту: никаких особых условий в лагере для него не создавать!

Штандартенфюрер вытянулся.

– Но не убивать!!! – почему-то занервничал фон Клюге, как будто эсэсовец прямо сейчас и собирался это делать. – Не убивать!!!

Со всех сторон на немцев смотрели, освобожденные от штукатурки, которой их в 20-е годы замуровали представители другой христианской конфессии, лики Святых Православной церкви.

Гаврилова вели через крепость к Холмским воротам.

Проходя мимо одного из казематов, Гаврилов остановился передохнуть.

После аудиенции Гаврилова у фельдмаршала, эсэсовцы уже не могли относиться к майору без почтения.

Они остановились тоже, ожидая, когда Гаврилов пойдет дальше.

Обостренная голодом, холодом, постоянным напряжением психика дала почувствовать Гаврилову взгляд из-под руин одного из казематов.

Он повернул голову.

В проломе седой Петька Крыга целился в их сторону из его же нагана.

Гаврилов зло сверкнул глазами и покачал головой – нет!

Это был приказ. Петька опустил пистолет.

Чтобы отвлечь от Петьки внимание Гаврилов повернулся к эсэсовцу и, используя свое положение гостя фельдмаршала, сказал как своему ординарцу:

– Дай-ка сигарету.

Оберштурмфюрер с готовностью достал из кармана кителя пачку сигарет и протянул ее Гаврилову.

Майор взял одну, стал разминать.

Второй эсэсовец щелкнул зажигалкой.

Гаврилов прикурил.

– Ну что, хлопцы, пошли...

Гаврилов в сопровождении эсэсовцев пошел дальше.

По лицу седого как лунь подростка катились слезы.

Гаврилов шел и курил.

В ушах навязчиво звучала по-русски и по-немецки последняя фраза генерал фельдмаршала фон Клюге:

– Вы свободны... вы свободны... вы свободны...

Ночью Петька выползал из крепости, обливаясь слезами.

В одном месте, чтобы передохнуть, он прислонился к крепостной стене и поднял залитые слезами глаза к полной луне.

Луна смеялась.

26 августа 1941 года.

Гитлер, Муссолини, Риббентроп, Геринг, Кессерлинг осматривали руины крепости, поверженную технику и вооружение Красной Армии.

Командующий 4-ой армией генерал-фельдмаршал фон Клюге с указкой в руке вел «экскурсию».

Гитлер отвел взгляд от подбитых танков и орудий и стал всматриваться в одну из стен крепости.

Немецкие снаряды, разрывные пули и мины поработали над красной стеной как резец талантливого скульптора.

В стене образовалось огромное во всю высоту суровое человеческое лицо.

Усталое, измученное и злое.

Черные глазницы смотрели на Гитлера.

Гитлер отвел взгляд и опять стал рассматривать технику.

Испещренный пулями, каменный солдат зло смотрел на незваных гостей.

Как будто все души погибших защитников крепости слились с руинами и проявились на стене.

Гитлер непроизвольно опять повернул голову.

Лицо солдата цвета запекшейся крови смотрело на него.

Крепость была разрушена.

Крепость не была покорена.

Бледный свет луны упал на Петьку.

Но это уже был старик, который после праздника один ходил по Мемориалу.

В нем трудно было узнать подростка Петьку, но общее было.

Волосы седые-седые. И сейчас, и почти 70 лет назад.

И слезы... И сейчас, и почти 70 лет назад...

Старик развернул измятый и изорванный кусок холста.

В холсте была израненная труба.

Старик провел рукой по позеленевшей от времени меди...

С В Е Т Л О Й П А М Я Т И :

АБРАХМАНОВА
 Салеха Идрисовича,
 АБЫЗОВА Владимира Николаевича,
 АВАКЯНА Гедсона Арсеновича,
 АВАНЕСОВОЙ-ДОЛГОНЕНКО
 Нины Игнатъевны,
 АГАГУЛЯНА
 Аршавира Арзумановича,
 АКИМОЧКИНА
 Ивана Филипповича,
 АКСЕНОВА Сергея Емельяновича,
 АНДРЕЕВА Ивана Ильича,
 АНОШКИНА Николая Ивановича,
 АРАКЕЛЬЯНА Сергея Павловича,
 АРХАРОВА Петра Алексеевича,
 АСАТИАНИ Онисима Ивановича,
 АХВЕРДИЕВА Халила Гамза-оглы,
 БАБАЛАРЯНА Ашота Самоновича,
 БАБКИНА Степана Семеновича,
 БАГЛАСАРЯНА
 Тавади Аршаковича,
 БАДЯШКИНА
 Василия Анисимовича,
 БАРАБАНЩИКОВА
 Петра Ивановича,
 БАРАНОВА Бориса Ивановича,
 БАРДИНА Михаила Даниловича,
 БАРЕЙКО Ивана Наумовича,
 БАРИНОВА Александра Ивановича,
 БАСТЕ Аюба Ваюковича,
 БАУЧИЕВА Султана Джумуковича,
 БЕЛОВА Ивана Григорьевича,
 БЕЛОНОВИЧА
 Павла Александровича,
 БЕЛЯКОВА Василия Павловича,
 БЕССМЕРТНОГО Павла Павловича,
 БОБКОВА Алексея Максимовича,
 БОБКОВОЙ Азальды Алексеевны,
 БОБКОВОЙ Раисы Никаноровны,
 БОГАТЕЕВА Николая Семеновича,
 БОЙКО Федора Федоровича,
 БОНДАРЯ Ивана Андреевича,
 БОСТАШВИЛИ
 Ираклия Александровича,
 БЫТКО Василия Ивановича,
 ВАВИЛОВА Василия Петровича,
 ВАСИЛЬЕВА Павла Васильевича,
 ВАСИЛЬЕВА Петра Федоровича,
 ВАХРУШЕВА
 Кондратия Семеновича,
 ВЕНЕДИКТОВА
 Василия Лукьяновича,
 ВЕНЕДИКТОВА
 Виктора Яковлевича,
 ВЕТРОВА Григория Васильевича,
 ВИНОГРАДОВА Ивана Яковлевича,
 ВОЛКОВА Сергея Васильевича,

ВОЛОВИКА Василия Григорьевича,
 ВОЛОКИТИНА
 Василия Александровича,
 ВОХМЕНЦЕВА Ивана Семеновича,
 ГАБРИЕЛОВА
 Иосифа Гавриловича,
 ГАВРИЛОВА Георгия Даниловича,
 ГАЛУСТЬЯНЦА
 Мкртыча Амбарцумовича,
 ГАЛЯГИНА Павла Васильевича,
 ГАПОНЮКА Дмитрия Михайловича,
 ГИЛЕВА Константина Прокопьевича,
 ГНЕННОГО Федосея Федосеевича,
 ГОЛЫБИНА Ивана Андреевича,
 ГОРБАЧЕВА Ивана Яковлевича,
 ГОРОДИЛИНА Николая Ивановича,
 ГОРОХОВА Ивана Гавриловича,
 ГРАЩЕНКОВА Ивана Петровича,
 ГРИБОЕДОВА Ивана Алексеевича,
 ГРИГОРЬЕВА Василия Алексеевича,
 ГРИГОРЬЕВА Сергея Васильевича,
 ГРИГОРЯНА Вагана Гарегиновича,
 ГРИШИНА Василия Тимофеевича,
 ГУКОВА Прокофия Семеновича,
 ГУЛЬКО Тимофея Даниловича,
 ГУРЧАКА Льва Сергеевича,
 ДАВЫДОВА Петра Ивановича,
 ДАНИЛОВА Ивана Григорьевича,
 ДЕРБЕНЕВА Сергея Васильевича,
 ДЖАППУЕВА Тахира Кудаевича,
 ДИДЕЧКИНА Николая Семеновича,
 ДОБРОЦВЕТОВА
 Михаила Александровича,
 ДОКУЧАЕВА
 Александра Михайловича,
 ДОРОХИНА
 Александра Александровича,
 ДОРОХИНА
 Николая Александровича,
 ДРОБЯЗКО Татьяны Степановны,
 ЕГОРОВА Николая Савельевича,
 ЖУРБЕНКО Ивана Дмитриевича,
 ЗАГРИШЕВА Ивана Ивановича,
 ЗАЗУЛИНА Ивана Романовича,
 ЗАЙКИНА Михаила Ивановича,
 ЗАСТЕЛЛО Петра Ивановича,
 ЗЕДГИНИДЗЕ Ивана Ясоновича,
 ЗИНИНА Петра Григорьевича,
 ЗИНОВЬЕВА Владимира Васильевича,
 ЗИНЧЕНКО Николая Спиридоновича,
 ЗЫСКОВЦА Степана Терентьевича,
 ИВАНОВА Василия Абрамовича,
 ИВАНОВА Ивана Ивановича,
 ИВАНОВА Павла Дмитриевича,
 ИВАНЦОВА Виктора Алексеевича,
 ИВАНЧЕНКО Александра Ивановича,

ВОЛОШЕНЮК Акулины Ефимовны,
 ВОЛОШЕНЮК Геннадия,
 ИЛЬИНА Михаила Федоровича,
 ИЛЮКА Алексея Игнатъевича,
 ИОФФЕ Айзика Гиршевича,
 ИСАЕВА Федора Даниловича,
 КАГАНОВИЧА Мордуха Айзиковича,
 КАДОЧНИКОВА Алексея Ивановича,
 КАЛИНОВСКОГО
 Николая Петровича,
 КАЛУГИНА Василия Кирилловича,
 КИЖЕВАТОВА
 Андрея Митрофановича,
 КИРЕЕВА Дмитрия Павловича,
 КИРЕЕВА Ивана Тимофеевича,
 КИРКОВА Ивана Алексеевича,
 КЛИМОВА Сергея Григорьевича,
 КЛЫПЫ Петра Сергеевича
 КОБРАНОВА Андрея Ивановича,
 КОДОЧИГОВА Александра Михайловича,
 КОЖЕВНИКОВА Андрея Андреевича,
 КОЗЛОВА Ивана Николаевича,
 КОЛЕСНИКОВА Виктора Гавриловича,
 КОЛОБАНОВА Бориса Ивановича,
 КОНДРАШОВА Василия Алексеевича,
 КОНОВАЛОВА Павла Егоровича,
 КОСЕНКО Владимира Гавриловича,
 КОСТЯКОВА Алексея Александровича,
 КРАМАРЕНКО Владимира Ивановича,
 КРЕЧИКОВА Николая Семеновича,
 КУДРЯВЦЕВА Николая Яковлевича,
 КУЗНЕЦОВА Бориса Валерьяновича,
 КУКУРИКА Григория Ивановича,
 КУЛАКОВСКОГО Гавриила Потаповича,
 КУЛИША Владимира Петровича,
 КУРГАНОВА Василия Павловича,
 КУРЕНКЕЕВА Идриса,
 ЛАЗАРЕВА Александра Лазаревича,
 ЛАЛАЕВА Айнди Абдурахмановича,
 ЛАТЫШЕВА Александра Васильевича,
 ЛЕВИНЦА Николая Тимофеевича,
 ЛИЦИТА Яна Адамовича,
 ЛОНИНА Александра Андреевича,
 ЛУБЕНЦА Николая Кирилловича,
 ЛЫСЕНКО Ивана Яковлевича,
 ЛЮТИЧА Моисея Кондратьевича,
 МАЙОРОВА Венициана Бадмаевича,
 МАКАРЕНКО Лаврентия Яковлевича,
 МАКАТРОВА Гавриила Гавриловича,
 МАКОВЕЙ Владимира,
 МАРАКОВА Павла Александровича,
 МАРКОВА Николая Васильевича,
 МАСАЕВА Зайнди Асхабовича,
 МАЩУКА Ивана Ивановича,
 МЕЙЕРА Вячеслава Эдуардовича,

МЕЛЬНИКОВА
 Федора Михайловича,
 МЕСЯЦЕВА Ангия Ивановича,
 МИНАКОВА Якова Дмитриевича,
 МИСЮРИНА
 Константина Павловича,
 МИХАЙЛОВА Ивана Николаевича,
 МИХАЛЕВИЧА
 Николая Ивановича,
 МИЩЕНКО Николая Георгиевича,
 МУХИНА Петра Ивановича,
 НАВАСАРДЯНА
 Ашота Айрапетовича,
 НАГАНОВА Алексея Федоровича,
 НАЗАРЕНКО Петра Антоновича,
 НЕСТЕРЧУКА Николая
 Васильевича,
 НЕФЕДОВА Ивана Борисовича,
 НИКИТИНА Алексея Григорьевича,
 НИКИТИНА Петра Николаевича,
 НИЯЗМАТОВА Авазмата,
 ОЛЕШКЕВИЧА Ивана Ивановича,
 ОСИПОВА Николая Николаевича,
 ПАМПУХА Андрея Федоровича,
 ПАСУГИНОВА Церена
 Лиджиновича,
 ПЕРЕТОКИНА Ивана Григорьевича,
 ПЕТРЕНКО,
 ПЕТРИКА Николая Михеевича,
 ПИЛИПЕНКО Сергея Павловича,
 ПИСАРЕВА
 Феодосия Афанасьевича,
 ПОЛЕВИКОВА Сергея Петровича,
 ПОЛЯКОВА Николая Николаевича,
 ПОЛЯКОВОЙ Марии Михайловны,
 ПОМАЗКОВА
 Григория Георгиевича,
 ПОНОМАРЕВА
 Михаила Васильевича,
 ПОПОВИЧА Петра Макаровича,
 ПОПОВИЧУКА
 Феодосия Михайловича,
 ПОЧЕРНИКОВА Алика,
 ПОЧЕРНИКОВА
 Ивана Михайловича,
 ПОЧЕРНИКОВОЙ
 Александры Васильевны,
 ПОЧЕРНИКОВОЙ Ниночки,
 ПУСТОВИТА Макара Петровича,
 РАЧКОВА Николая Ивановича,
 РАШЕВСКОГО
 Александра Сидоровича,
 РОВНЯГИНОЙ
 Евдокии Игнатъевны,
 РОССА Александра Моисеевича,
 РУДКОВСКОГО
 Владимира Максимовича,
 РЫБИНА Василия Кирилловича,
 РЯБОВА Федора Васильевича,
 САВЕЛЬЕВА Алексея Ивановича,
 САДЫКОВА Нури,
 САЛГЕРЕЕВА Хасана Саповича,
 САМУСЯ Григория Ивановича,
 САФРОНЮКА Ивана Сафроновича,
 СЕЛИВАНОВА
 Александра Яковлевича,
 СЕМЕНОВА Николая Георгиевича,
 СЕМЕНЫЧЕВА
 Владимира Ивановича,
 СЕМОЧКИНА Ильи Егоровича,
 СЕРДЕЧНОГО Д.В.,
 СИМАКОВА Владимира Федоровича,
 СМИРНОВА Николая Павловича,
 СОТНИКОВОЙ Клавдии Петровны,
 СТАНИСЛАВСКОГО
 Степана Вакуловича,
 СТЕПАНЕНКОВА
 Григория Михайловича,
 СТЕПАНОВА Евгения Ильича,
 СТОЛБЫ Николая Михайловича,
 СУЛЕЙМЕНОВА Ботабая Арыновича,
 СУЧКОВА Павла Ивановича,
 ТАГЛИНА Александра Михайловича,
 ТИВИКОВА Георгия Ивановича,
 УЗУЕВА Магомета Яхъяевича,
 УЛКТЫМБАЕВА,
 УСОВА Ивана Андреевича,
 УФИМЦЕВА
 Владимира Корниловича,
 ФАДЕЕВОЙ
 Валентины Александровны,
 ФОМИНА Ефима Моисеевича,
 ФРОЛОВА Николая Николаевича,
 ХАБАРОВА Ивана Афанасьевича,
 ХЛЕБУНОВА Ивана Кузьмича,
 ХОРЕЦКОЙ Веры Петровны,
 ХОРОЛЬСКОГО Петра Демьяновича,
 ЦЕЧОЕВА Халита Дотиевича,
 ЦИБУЛИ Владимира Александровича,
 ЦУРКАНА Григория Филипповича,
 ЧЕРНОЙ Варвары Ивановны,
 ЧУПАХИНА Ивана Григорьевича,
 ШАБЛОВСКОГО
 Владимира Васильевича,
 ШАМЪЯНОВА Хариса Сулеймановича,
 ШАРЯКА Александра Ивановича,
 ШАРЯКА Дмитрия Александровича,
 ШАРЯК Марии Гавриловны,
 ШЕВАРДНАДЗЕ
 Акакия Амбросиевича,
 ШЕВЧЕНКО Петра Савельевича,
 ШЕЕВА Ивана Филипповича,
 ШИРЯЕВА Николая Васильевича,
 ШКУРАТА Алексея Владимировича,
 ШЛЯПИНА Ивана Александровича,
 ШРАМКО Сергея Феодосиевича,
 ШУЛЬЖЕНКО Антонины Захаровны,
 ШУЛЬЖЕНКО Светланы,
 ШУМКОВА Александра Ивановича,
 ШУМКОВОЙ Любви Сергеевны,
 ШУМКОВОЙ Светланы Александровны,
 ШУРЬЯНСКОГО Павла Федоровича,
 ЩЕРБАКОВА Николая Федоровича,
 ЩЕРБИНЫ Ивана Сидоровича,
 ЭДЕЛЬХАНОВА
 Даши Девлетгиревича,

ПОРОШИНА Николая Андреевича,
ПАТАПЕНКОВА
Петра Михайловича,

ТКАЧЕНКО Тараса Ивановича,
ТРИЧА Петра Ивановича,
ТРУНОВА Геннадия (Васильевича),

ЭЛЬКИНА Меера Вениаминовича,
ЮДИНА Михаила Ивановича,
ЯКОВЛЕВА Матвея Матвеевича

Из глубины экрана появляются все имеющиеся подлинные фотографии погибших защитников Брестской крепости.

Голос за кадром:

– И еще тысяч безымянных неизвестных защитников Брестской крепости: пограничников, бойцов и командиров, политруков, военврачей, медсестер, вольнонаемных, их отцов, матерей, жен, детей, погибших, пропавших без вести, расстрелянных, замученных в концлагерях и умерших от ран...

Простите нас...
Простите нас...
Простите!

К о н е ц